

<№ 6. — Июнь 1859 года.>

Причины нашей симпатии к австрийцам. — Сражения при Монтебелло и Палестро. — Битва при Мадженте. — Действия Гарибальди. — Тосканские дела.

Наш рассказ об итальянской войне в прошедший раз был доведен только до прибытия императора французов в Александрию 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько-нибудь замечательной стычки, но уже нетрудно было предугадывать участь кампании, и, повторяя соображения беспристрастных газет, мы говорили: «надобно думать, что участь начавшегося похода решена неловкостью австрийцев, не успевших помешать соединению французов с сардинцами» («Современник», № V, «Политика», стр. 171); «нелепое начало не предвещает для них (австрийцев) ничего особенно хорошего. Будут ли они защищаться на Тичино, будут ли защищать Милан — неизвестно. Но с битвами или без битв, все равно, они скоро будут оттеснены до линии реки Минчио, где найдут опору в крепостях — Пескьере и особенно Мантуе» (стр. 170) *. Теперь это соображение уже исполнилось более чем наполовину; мы знаем, что австрийцы уже отступили далеко за Милан, занятый французами, и в то время, когда читатель будет перелистывать эти страницы, он, вероятно, уже прочтет в телеграфических депешах, что австрийцы оттеснены до самого Минчио. Делать такие предсказания очень легко, и хвалиться их исполнением нечего; нужно только следовать соображениям тех газет, у которых лучшие корреспонденты и у которых есть политический такт. Мы напоминаем об исполнении наших прежних слов только с целью уверить читателя, что он может считать не пустым обольщением те соображения о характере, ходе и результатах итальянской войны, которых мы держимся. Если эти соображения оправдались фактами в той части своей, которая наиболее подвержена случайностям, это может быть некоторым ручательством за то, что оправдаются событиями и те стороны их, в которых случай имеет гораздо меньше силы. Если ход войны оказался действительно таков, какой надобно было предполагать по указаниям достовернейших публицистов Запад-

* Обе выдержки находятся на стр. 197 настоящего тома. — Ред.

ной Европы, то можно быть уверенным, что эти публицисты не ошибались и в своих указаниях на характер войны и на то, какие результаты она даст, если сохранит нынешний свой характер.

Итак, мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какие внушают победы, припомнить то, что мы говорили в февральской, мартовской и майской книжках об истинном характере нынешней войны и о целях, которыми должна ограничиться она по расчетам могущества, нашедшего нужду поднять итальянский вопрос. В нынешний раз мы не станем повторять всего, что говорили прежде; не будем вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочет, руководится вовсе не желанием освободить Италию, а только потребностью упрочить себя приобретением военной славы; не будем говорить о том, что эта цель вовсе не одинакова с восторженными надеждами итальянских патриотов, которые пока еще не получили прочного ручательства в согласии французской политики с их планами; не будем говорить, что совершенное изгнание австрийцев из Италии вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинских побед, и что, напротив, существует множество других комбинаций, которыми может удовлетвориться Франция и которые вовсе не соответствуют гипотезам, созданным доверчивостью многих благородных людей в Италии, во Франции и у нас. Повторять в четвертый или в пятый раз то, что уже много раз доказывалось с большою подробностью, было бы слишком скучно; притом мы рисковали бы напрасно огорчать тех читателей, которые оставались несогласны с нами: они теперь увлечены благородною радостью от вести о бегстве австрийских мучителей из Ломбардии; в восторге прекрасной симпатии они не захотят хладнокровно думать о тех грустных фактах, на которых основано наше недоверие и которые затмеваются теперь блеском побед. Мы только просим их не осуждать нас за то, что мы не в состоянии забыть прошедшего и не можем верить словам людей, которые, к сожалению, слишком хорошо познакомили нас с собою своими делами в течение последних десяти лет. Мы помним, что говорилось в 1849 году и что было сделано в том же 1849 году и в следующие за ним годы. Прокламация к жителям Милана кажется нам слишком похожей на множество прокламаций, с которыми обращалась та же сила к жителям Рима, а прежде того к самим французам. Читатели, несогласные с нами, не хотят помнить прошедшего и не захотели бы слушать нас, если бы мы стали говорить об нем. А те, которые согласны с нами, сами помнят то, забвение о чем приготовляет другим горькую необходимость скоро раскаться в нынешней доверчивости¹.

Не будем же говорить о том, к чему ведет Италию нынешняя война, если характер этой войны не изменится от новых катастроф; займемся только приведением в связь газетных известий о

ходе войны. Он был блистателен для французов и сардинцев и свидетельствует о нелепости австрийцев. По крайней мере последнее обстоятельство приятно тем, что умственная сторона дела соответствует его нравственному достоинству. Гнусные притеснители, австрийцы оказываются с тем вместе пошлыми, бездарными, просто глупыми. К сожалению, эта гармония нравственных качеств с умственными заметна только в австрийцах. В других лагерях мы почти только и видим или людей честных, но дающих себя в обман, или людей, умеющих очень хорошо обделывать свои дела при помощи обманываемого благородства, людей, которые умеют хорошо делать, но делают только дурное.

Нелепость австрийцев обнаружилась, к нашему удовольствию и радости, конечно, всех наших читателей, еще поразительнее, нежели как мы надеялись в прошедшем месяце. Мы полагали, что прибытие императора французов в Геную 12 мая (нового стиля) обозначает уже совершенную готовность французских войск в Италии к начатию наступательных действий. Он и сам ожидал найти все нужное перевезенным, устроенным, приготовленным к походу: он ехал с тем, чтобы тотчас же по прибытии начать посылать в Париж бюллетени о победах. Но его отъезд из Парижа, обманувший нас, был следствием ошибки в его собственных предположениях. Он мог начать наступательные действия не ранее как через две с половиною недели после своего приезда. Около 13 (1) мая французская пехота была действительно готова к открытию кампании, но не была готова ни кавалерия, ни артиллерия, без которых нечего было делать и пехоте. Таким образом, австрийцы имели еще около трех недель лишнего времени, для того чтобы что-нибудь сделать на свободе. Они не умели ничего сделать и в этот срок, далеко превосходивший наши прежние ожидания. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиции, они укрепляли позиции, которые оставляли без боя, они поглядывали на неприятельские позиции, которые можно было взять без боя, и не брали их; один только раз вздумали было что-то сделать, но и тут распорядились самым пошлым образом, так что не только дали побить себя, но вдобавок и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знает, что австрийцы были тут побиты, но, может быть, он не знает, что по их собственному объяснению они дали эту битву для разузнания расположения французско-сардинских войск, а в результате она послужила к тому, что они не знали, где им ждать нападения от неприятеля.

С 26 (14) апреля до 20 (8) мая, целый месяц свободного времени, австрийцы потеряли задаром, потеряв прежде того еще целую неделю тоже нелепым образом. 21 мая они вздумали, наконец, что-нибудь сделать, — и придумали сделать сильную рекогносцировку на своем левом фланге, чтобы узнать расположение правого фланга французских войск. Так по крайней мере говорит австрийский главнокомандующий. По правде говоря, вероятно,

была тут также надежда захватить врасплох французскую дивизию, которая стояла слишком далеко от других. Действительно, дивизию эту захватили они врасплох, так что должны были бы непременно уничтожить ее; но вместо того сами были ею побиты, так что стыдно было им и признаваться в своем человекоубийственном намерении и за лучшее почли они говорить только о невинной мысли произвести рекогносцировку. Подробности об этом деле известны теперь с достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность после страшной битвы при Мадженте, потому рассказ наш может быть короток.

Обе враждебные армии около 20 (8) мая стояли растянувшись каждая верст на сто. Часть французо-сардинских войск была на левом (северном) берегу По, часть на правом (южном). Австрийские войска тоже стояли по обе стороны реки. На север от По границею между врагами служило течение реки Сезии, на юге естественной границы не было. Главную позицию австрийцев была тут Страделла, составляющая ключ к обладанию над тою частью По, которая находится между Павиею и Пиаченцою. Французские войска стояли, между прочим, около Вогеры, которая лежит верстах в тридцати от Страделлы. «Мы хотели узнать, — говорит Гиулай, — как велики силы французов в этом пункте». С этою целью был послан по дороге к Вогере корпус Стадиона, имевший до 25.000 человек. Первые неприятельские аванпосты встретил он в деревне Кастеджио: тут стоял отряд сардинской конницы, имевший всего несколько сот человек. Сардинцы защищались очень храбро, сделали несколько геройских атак, но принуждены были отступить по той же вогерской дороге в деревню Монтебелло, где находилось около 500 человек французской пехоты под командою полковника Камбреля. Эта горсть людей вместе с сардинскими кавалеристами несколько часов выдерживала битву, пока генерал Форè, начальствовавший дивизиею, расположенною в тех местах, собирал своих людей и поспешно посылал их батальон за батальоном на подкрепление аванпостному отряду. От Вогеры к Монтебелло идет железная дорога, и это дело было первым сражением, в котором вагоны привозили солдат прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло несколько раз переходила из рук в руки. Австрийцы очень твердо выдерживали бой, пока он ограничивался перестрелкою. Наконец, французы пошли в штыки, — в этом способе битвы австрийцы оказались довольно плохи, — и забавно читать письмо одного из их офицеров, который презрительно говорит, что такой «бесчеловечный маневр», как рукопашный бой на штыках, «не нравится австрийским войскам, не привыкшим к этому варварству», — уверяем читателя, что эта фраза нимало не прикрашена, а буквально взята из письма ученого и гуманного австрийца. Штыками французы окончательно утвердились в Монтебелло, и австрийцы от-

ступили в Кастеджио. Французы не могли преследовать их, потому что были гораздо слабее числом.

Из этого мы видим, что в тактическом отношении победа была далеко не полная. Французы успели сбить австрийцев со второй позиции; но в первой позиции, отнятой в начале боя, австрийцы спокойно остановились, не преследуемые победителями. Зато нравственное действие первого серьезного дела было довольно велико: французы и сардинцы уверились, что при равном числе сражающихся австрийцы не могут устоять против них. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло в первый раз действовали новые французские нарезные пушки, и французы говорят, что их страшному действию более всего обязаны победою. С другой стороны, тут же было в первый раз испытано искусство знаменитых тирольских стрелков, и австрийцы уверяют, что венсенские стрелки далеко уступают этим отборным мастерам своего дела. Само собою разумеется, что тот и другой факт одинаково оспариваются противниками: французы говорят, что в тирольских стрелках нет ничего особенно хорошего; австрийцы пишут, что французские нарезные пушки принесли им мало вреда. Надобно думать, что обе стороны правы, хваля свое оружие, и обе только хотят уменьшить страх опасности в своих рядах, отвергая действительность неприятельского огня. Так думать заставляет страшный урон, понесенный обеими сторонами. Со стороны французов было в деле от 8 до 10 тысяч человек, из них выбыло из строя около тысячи; число австрийцев, принимавших участие в битве, было от 12 до 15 тысяч, из них выбыло из строя более 1.250 человек. Сражение длилось не очень много времени, и военные люди находят, что такая сильная пропорция убитых и раненых (около восьмой части людей, бывших в деле) была почти беспримерна в подобных стычках прежних войн. Ее надобно приписать во французских войсках штуцерам тирольских стрелков, а в австрийских — действию нарезных пушек. О небывалой прежде меткости выстрелов с обеих сторон свидетельствует и непропорциональная потеря в корпусе офицеров в обоих отрядах. Из четырех полковых командиров и двух генералов, бывших в деле, французы лишились одного генерала и трех полковых командиров; из шести человек уцелело только двое, да и то не совсем, потому что генерал Форé также получил легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоит в том случайном совпадении местностей, что центром первой битвы в нынешнем походе сделалась деревня Монтебелло, при которой в 1800 году Ланн одержал блистательную победу над австрийцами. Это дело служило вступлением к сражению при Маренго, и от такого воспоминания в десять раз усиливался эффект, произведенный нынешнею схваткою во французах и сардинцах.

Но едва ли не любопытнее всего в этом деле то бесцеремонное хвастовство, с которым обе стороны уменьшали число своих и уве-

личивали число неприятельских войск, участвовавших в сражении. Французы говорили, что их было всего только 5.000, или даже только 3.000, или даже только 2½ тысячи против 25.000 австрийцев. Цифра 5.000 находится даже в официальных отчетах, хотя каждому легко сосчитать по нумерам полков и батальонов, что сражалось более 8.000 французов, и хотя достоверно, что австрийцев сражалось не более 15.000, а вероятно менее, и другие части корпуса Стадиона не участвовали в битве. Гиулай, напротив, говорит, что 8.000 австрийцев сражались против 40.000 французов и удержались в своей позиции; 40.000 противников набирает он очень просто, считая весь корпус Бараге-д'Илье, к которому принадлежит дивизия Форе; он мог бы так же легко показать и 250.000 противников, стоило бы только считать всю Французско-сардинскую армию. Какие же роландовские подвиги, кого ни послушать, Форе или Гиулая! С одной стороны, 5.000 французов наголову разбили 25.000 австрийцев, с другой стороны, 8.000 австрийцев не были побеждены 40.000 французов. Прелестно здесь согласие в определении пропорции: и по французскому, и по австрийскому отчету одинаково полагается один свой солдат против пятерых неприятелей.

Но если Гиулай не мог перещегоолять французов в этом отношении, он оставил их далеко за собою тем отрядным самодовольствием, с каким излагает Европе свое понятие о результате дела. Французы, оттеснивши противников, полтора раза превосходивших их числом, кричали, что одержали полную победу, — тут нет еще ничего странного. Но Гиулай чуть не с наслаждением говорит, что сражение, в котором сильный отряд его был разбит, совершенно соответствовало его намерению и удовлетворило его желанию. «Мы, — говорит он, — хотели заставить противников выказать свои силы и достигли в этом успеха». Times очень недурно подсмеивается над таким тупоумным усилием утаить шило в мешке.

«Если кому-нибудь угодно, — говорит Times, — потратить целое утро совершенно напрасну, пусть он проповедует здравый смысл знаменитому медику или полководцу. Для этих людей задача не в успехе, — успех пустая случайность, — а в том, чтобы действовать по правилам искусства. Фортуна-капризница берет города и спасает жизнь; правила искусства вечны и бесспорны. Уморив 30 пациентов правильным лечением, доктор идет в кабинет, берет книгу, читает ее и с удовольствием говорит себе, что не ошибся в симптомах и что его рецепты все были *secundum artem**. Его пациент воспользовался всеми благами нынешнего совершенства науки и умер надлежащим образом. Чего же вам больше? Австрийский генерал ясным образом принадлежит к той же школе. Он подвигается с целым корпусом и атакует позицию, на которой несомненным образом должен найти сильнейший отпор. Потеряв 1.500 человек и таким образом «исполнив цель рекогносцировки» и «принудив неприятеля выказать все свои силы», он отступает в совершенном порядке и пишет ученую реляцию. Что мы станем говорить с людьми, у которых принципы до такой степени различны от наших?»

* По правилам. — *Ред.*

Само по себе сражение при Монтебелло не имело никаких результатов. Но оно принесло союзникам большую пользу тем, что утвердило австрийцев в мысли, будто французы хотят держаться большими силами на южном берегу По и думают начать наступление по дороге от Вогеры к Страделле, чтобы перейти в Ломбардию через По между Павиею и Пиаченцою. Блистательный отпор, данный ими австрийцам на правом берегу По, прикрыл передвижение, которое сделали они через несколько дней, перейдя через По гораздо выше австрийской его части и сосредоточив свои силы на северном берегу По, на дороге из Верчелли в Милан, посредством отступления к Казале, — движение, которым решена была судьба похода.

Около 20 мая французы далеко еще не были готовы к началу похода и потому около полуторы недели не было никаких важных известий о действиях союзной армии. Не раньше 30 (18) числа один из отрядов ее встретился с австрийцами, но зато уже тут каждый день стали совершаться дела, одно другого важнее, и к 5 июня (24 мая), в одну неделю была кончена первая половина кампании: в 5 дней (с 30 мая до 3 июня) австрийцы были принуждены уступить две оборонительные линии (Сезию и Тичино), на укрепление которых было потрачено ими так много труда; в 6-й день (4 июня) произошло генеральное сражение, на 7-й день было ясно, что вся Ломбардия до Минчио и Адидже освобождена от поработителей и что быстрота, с которою произойдет очищение разных ломбардских областей и городов австрийцами и занятие их французами, зависит уже только от быстроты, с какою способна двигаться назад одна армия, двигаться вперед другая.

Читателю известны главные факты этой чрезвычайно поспешной катастрофы: 30 и 31 мая сардинцы два раза разбили сильные австрийские отряды у Палестро; 1 июня австрийцы отступали за Тичино с крайнею торопливостью; 2 июня союзники подошли к Тичино; 3 июня переправились через него; 4-го (23 мая) разбили австрийскую армию у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этих дел, надобно нам прежде всего ближе познакомиться с театром их.

Мы уже говорили, что в последней половине мая австрийские войска, бывшие на северной стороне По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинских земель, занятых ими в начале похода, и сосредоточились в четырехугольнике между реками Сезиею, Тичино, По и городом Новарою. Сезия и Тичино идут с севера на юг почти параллельно, немного расходясь в южной части своего течения, перед впадением в По. Сезия образовала западную, Тичино — восточную часть расположения австрийской армии; на севере австрийцы сильными отрядами стояли до шоссе и железной дороги, которые бок о бок идут в этих местах, ведя из Турина в Милан. Важнейший пункт в этой части их, между Сезиею и Тичино, — город Новара, где потерпели сар-

динцы окончательное поражение в 1848 году. На западном берегу Сезии, очищенном австрийцами, стоит на этой же железной дороге (и шоссе) город Верчелли, еще в половине мая занятый сардинцами, а несколько южнее — село Палестро. Южную границу четырехугольника составляет По. В южной стороне широта четырехугольника, занятого австрийцами, составляет верст 40, в северной части — верст 30 по прямому направлению; длина четырехугольника от По до миланской дороги (Новары) тоже верст 40.

Ясно, какой смысл имело это расположение. На юге австрийцы защищали По, на севере — миланскую дорогу; они думали, что союзникам трудно будет выбить их из этого положения, защищаемого с фронта рекою Сезиею; а по отступлении с Сезии у них оставалась другая защита, река Тичино.

Ясно также, какой смысл имели битвы 30 и 31 мая при Палестро и битва 4 июня при Мадженте: первыми двумя сардинцы сбили австрийцев на юг с миланской дороги между Сезиею и Тичино, третью битвою союзники очистили себе дорогу от Тичино до Милана, отбросив австрийцев к югу. Но как произошли эти битвы и наступательные движения союзников, им предшествовавшие? Каким образом было произведено движение для сосредоточения растянутых до той поры от Верчелли, через Александрию, до Вогеры союзных войск между Сезиею и Тичино, в средней части их течения от Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дороге из Турина и Верчелли в Милан? Каким образом совершился этот блистательный фланговый марш, которым вся союзная армия обошла правый (северный) фланг неприятельского расположения? Известия французских, сардинских и бельгийских газет об этом маневре чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притом так, что один и тот же корреспондент в двух письмах сообщает несообразные между собою клочки известий, из которых одно противоречит другому. Как ни старались мы составить из них сколько-нибудь связный рассказ, все-таки выходило что-то дикое. Например, по всем известиям оказывалось, будто бы двойное сражение при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самом переходе через Сезию, как будто бы тут сардинцы в первый раз хотели проникнуть за эту реку; а между тем по письмам тех же самых корреспондентов видно было, что сардинская дивизия Чальдини еще с 21 мая стояла на восточной стороне Сезии. Каким образом она вновь являлась переходящею через Сезию 30 мая, если перешла через нее 21-го и не была после того тревожима австрийцами? И зачем австрийцы пропустили ее так свободно 21 мая? Как они могли 30 мая защищать переход через реку, который был уже давно отнят у них или, лучше сказать, уступлен ими почти без боя 21 мая? И каким образом 31 мая сардинцы в начале второго боя являются отступающими к Палестро, если бой начался тем, что австрийцы прямо подступили к этой де-

ревне, чтобы выбить из нее неприятеля, еще не ходившего дальше нее? И какую связь имели эти сардинские битвы на среднем течении Сезии с движениями главных союзных сил, которые вдруг являются 1 июня уже довольно далеко на восток за Палестро, близко к Тичино, когда предполагается по всем известиям, что австрийцы еще оспаривают переход через Сезию? — всех этих и многих других бессвязностей и противоречий никак нельзя было объяснить по известиям континентальных газет. Наконец мы получили те номера Times'a, в которых помещены письма корреспондента этой газеты из Верчелли от 31 мая и из Палестро от 1 июня. Он один оказывается наблюдателем, умевшим узнать дело и рассказать его порядочным образом; у него одного факты изложены связным и понятным образом. Потому, отбрасывая все нелепые рассказы других газет, приходящих сюда раньше английских, мы просто переводим его письма. Думая, что вставлять в них клочки из других известий, с первого раза оказывавшихся бестолковыми, значило бы только портить рассказ корреспондента Times'a, мы ограничиваемся лишь тем, что в выносках прибавляем некоторые пояснения. Таким образом читатели, если и будут лишены множества эффектных картин с громкими фразами, которыми изобилуют континентальные газеты, то, по крайней мере, будут в состоянии ясно понимать ход дела.

«Верчелли, 31 мая.

«По обещанию, пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вам. Не ожидайте, чтобы это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень многое, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и писать. Тайна нынешней необыкновенной деятельности, столь сильно противоречащей тишине последнего месяца, объясняется двумя словами: союзные армии кончили свои приготовления и двигаются вперед, двигаются с такою быстротою и энергиею, которая заставляет умолкнуть нетерпеливых, ожидавших битвы за битвою и победы за победою через 24 часа после того, как генуэзцы и туринцы приветствовали восторженными криками прибытие первых французских войск.

«Бесспорно, мы должны быть очень благодарны австрийцам, которые дали нам кончить все эти приготовления, не думая мешать нашим делам ничем, кроме нескольких частных движений, вроде наступления к Монтебелло и маленьких стычек на Сезии.

«Были люди, улыбающиеся при мысли, что император лично принимает командование армиею. Они должны были бы посмотреть на месте, как собиралась эта великолепная армия, как снабжалась она всем нужным, как принимались все меры для ограждения ее в случае покушения неприятеля помешать приготовлениям; они должны были бы посмотреть, как эта армия с беспрецедентною быстротою перенеслась в назначенное место, и, вероятно, они перестали бы улыбаться, потому что все это произведено самим императором: он все организует, он управляет и руководит. Один факт самым ясным образом покажет, как он это делает. Не далее как четыре или пять дней тому назад главные силы французов были расположены от Вогеры по южному берегу По к Александрии, Валенце и Казале, а ныне эта масса, за исключением одной гвардии, перешла Сезию, и все движение совершилось без всякой запутанности, без всяких промахов и с таким великим искусством, что до третьего дня общее мнение полагало, что движение армии произойдет по совершенно другому направлению, именно к востоку. Это убеждение было так

сильно, что все верили нарочно распущенному слуху, будто бы главная квартира императора будет перенесена в Вогеру. Сборы императора выехать из Александрии много содействовали такому успеху.

«Только третьего дня и вчера движение приняло свой истинный характер. До той поры главной задачей было — принять оборонительное положение и ввести в линию французскую армию. Понять, какую массу составляет армия, имеющая более 100.000 человек, так же трудно, как приобрести ясное понятие о великости суммы в несколько миллионов. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображение не может сравниться с действительностью. И надобно знать, что все военные запасы и большую часть всего продовольствия надобно перевозить из Франции, т. е. надобно перевезти сотни тысяч тонн багажа, артиллерии, амуниции и понтонов. Необходимо было сделать все это без всякого замешательства, потому что малейшая запутанность замедлила бы все приготовления страшным образом. И вот французские войска, по мере того как прибывали, посылались на разные позиции, чтобы остановить всякое покушение со стороны австрийцев. Таким образом французская армия постепенно расположилась по южному берегу По, от Кастеджио, Вогеры, Кастельнуово и Сале до Бастильяно; Александрия и Тортона были базами ее расположения, а пьемонтская армия занимала линию от Валенцы до Казале и, по отступлении австрийцев, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переход через Сезию, одну из тех широких, болотистых рек, которыми пересекаются долины верхней Италии. Через нее был только один мост в Верчелли, построенный на прекрасных каменных арках. Он служил вместе и для железной дороги, и для большого шоссе, ведущих в Новару. Австрийцы, отступая, взорвали две арки этого превосходного моста, поправка их на глазах австрийцев было бы делом слишком долгим и трудным и, конечно, слишком привлекла бы их внимание на этот пункт. Потому сардинская дивизия Чальдини получила приказание перейти Сезию в брод; это было исполнено с полным успехом более недели тому назад. Чальдини утвердился в Борго-Верчелли, первом значительном местечке по дороге в Новару*. После того немедленно поправили мост, и таким образом учредили свободное сообщение между обоими берегами реки. Масса сардинской армии постепенно сосредоточилась в этом пункте, и французские отряды заняли позиции, оставленные австрийцами**.

«Третьего дня (29—17 мая) сам король перенес свою главную квартиру из Казале в Борго-Верчелли за Сезию. Французские инженеры к этому времени уже построили еще другой мост для облегчения перехода, и французские войска начали переправляться через реку. В этом их движении с правого крыла на левое важную роль играла железная дорога, и надобно сказать, что для первого опыта применить железные дороги к военным дей-

* Борго-Верчелли лежит верстах в трех на восток от Сезии и несколько севернее города Верчелли, стоящего на западном берегу реки.

** Из этого ясно, что австрийцы просто не обращали внимания на движения Чальдини, упорствуя в своем предположении, что главные силы союзников непременно должны начать наступление к Ломбардии по прямой линии от своего первоначального расположения, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаться вторгнуться в Ломбардию прямо через По в тех местах, где эта река служит границею Сардинии, т. е. между Павиею и Пиаченцею. В этой мысли, конечно, укрепляло их то обстоятельство, что до последней минуты главная квартира императора французов оставалась в Александрии; это свидетельствовало, по их мнению, что французская армия не изменяет своего расположения. Были даже, как мы прочли уже, нарочно распускаемы слухи, что главная квартира переносится в Вогеру, т. е. по прямой дороге из Александрии к пограничной части реки По. Движение Чальдини, вероятно, считали австрийцы просто диверсиею, делаемую для того, чтобы отвлечь их внимание с юга на север.

ствиям, в тесном смысле слова, — этот маневр был блистателен *. Войска, которым нужно было бы пять или шесть дней тяжелого похода, в пять или шесть часов достигли к месту своего назначения. Это имело еще и ту выгоду, что войскам, шедшим по обыкновенной дороге, оставался просторный путь, между тем как шоссе загромождалось бы, если бы все войска шли по нем; не говорю о том, что огромная масса войск, перевезенная по железной дороге, избавилась от утомления форсированных маршей.

«Впрочем, это последнее обстоятельство, — избавление от форсированного марша, было для французской армии менее нужно, чем для всякой другой. Если б не огромность ее массы, можно бы подумать, что она составлена из отборных солдат. Большая часть солдат — люди, служившие довольно долго; вообще они имеют от 25 до 30 лет; по их свободной и твердой поступи вы узнали бы в них опытных служака, если бы и не блестяли повсюду в их рядах крымские медали.

«Вчера вечером (30 мая) значительная часть французских войск, предназначенных к переходу через Сезию, была уже на восточном берегу реки, и с той поры без перерыва идут другие войска через мосты. Пехота, кавалерия, артиллерия, зарядные ящики, амуниция, обоз французский и сардинский идут сплошною цепью, перерываясь только на те минуты, когда идут с той стороны лазаретные дроги с ранеными, своими и неприятелями; каждый сторонится перед этим поездом. Поразительнее всего в союзных войсках спокойный и веселый дух, господствующий несмотря на частные затруднения и невзгоды, неизбежные в подобных обстоятельствах.

«Вчера, в годовщину битвы при Гойто², когда пьемонтцы 11 лет тому назад совершили блистательный переход через Минчио (30 мая), было назначено начать наступление.

«Сардинцам была предоставлена честь идти вперед под личным предводительством короля. Вы знаете из реляций, что после упорного сопротивления они овладели деревнями Палестро, Казалино и Винзалио, лежащими по дороге к Мортаре **. Две пушки и до трехсот пленников (в том числе раненые) были трофеями победы. Слава ее вполне принадлежит сардинцам, потому что хотя значительные силы французских войск были уже за Сезиею, но не участвовали в сражении. Сардинцы вполне заслуживали этой чести, потому что, по всем рассказам, сражались очень храбро. Упорность, с какою отбивались австрийцы, надобно в значительной степени приписать характеру местности, чрезвычайно благоприятному для обороны. Представьте себе низменную поляну, пересеченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лесом, достаточно густым для того, чтобы прикрыть обороняющихся и не давать наступающему места развернуть силы. Деревни построены из кирпича

* От Александрии, верстах в десяти — пятнадцати вдоль по южному берегу По, идет железная дорога к ломбардской границе. Тортона лежит на этой дороге верстах в двадцати на восток от Александрии; Вогера — верст на пятнадцать на восток от Тортоны. Почти прямо на север, с небольшим уклоном на запад, от Александрии идет в Верчелли также железная дорога, переходящая через По в Казале, где была до 29 мая главная квартира сардинского короля. Казале лежит от Александрии верстах в 30 на север; Верчелли еще верст на 20 далее к северу, так что все расстояние по железной дороге от Александрии до Верчелли составляет верст 50, а от Вогеры — верст 80. Итак, французы уехали от австрийцев с южного берега По по железной дороге на запад до того места, где переправа через По была свободна, и потом повернули, также по железной дороге, к северу.

** Из этого мы видим, что первое сражение при Палестро было следствием наступления союзников уже с восточного берега Сезии далее к Тичино, а не возникло из того, как говорили другие газеты, будто бы австрийцы не пропускали союзников через реку. Действительно, как могли австрийцы 30 мая защищать Сезию против города Верчелли, когда оба берега реки в этих местах были уже заняты сардинцами 21 мая.

и дикого камня, так что каждый домик в них легко обращается в крепостцу, а каждая из многочисленных ферм, рассеянных по всем направлениям, составляет крепкую позицию. Не может быть местности более удобной для задержки наступающего неприятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линия австрийских войск состояла из итальянцев, и большая часть пленников, захваченных вчера, — ломбардцы. Их заперли в церковь и они служат предметом большого любопытства.

«Французские солдаты боятся теперь только того, чтобы австрийцы не отняли у них случая подрагаться в открытом поле. Это опасение объясняется непостижимыми движениями австрийцев, которые дали французам полную свободу кончать приготовления. Быть может, они хотят драться на позиции, которую сами выберут, а быть может, что они обмануты внезапным движением французов на Сезию, зная после сражения при Монтебелло, что французы сосредоточены на южном берегу По. Вернее всего предполагать, что обе причины вместе заставляют их отступать. Известно, что третьего дня главные силы австрийцев были еще на южном берегу По. Едва последние ряды французов вышли из Вогеры, как слышался уже там стук австрийских барабанов. Третьего дня австрийцы заняли Вогеру и сожгли ее.

«Несомненно то, что австрийцы медленно отступают перед сардинцами по направлению к Мортаре * и что они также без сражения отступают к Новаре».

Палестро, 1-го июня (20 мая).

«Вам известны реляции о двух удачных делах, которыми сардинцы третьего дня и вчера начали свое наступление, и для вас, вероятно, будет интересно услышать подробности об этих блистательных сражениях, которыми сардинцы открыли поход. По своему размеру эти дела едва могут называться сражениями, но блеском своим нисколько не уступают они делу при Монтебелло, а результатом наверно превосходят его.

«Вы помните, что по мере того, как австрийцы отступали с Доры, до которой дошли было их аванпосты, сардинская армия занимала позиции, покидаемые неприятелями **. На Сезии, довольно значительной реке, австрийцы остановились и укрепили все слабые пункты переправы через нее, как будто бы решившись обороняться на этой линии. Линия Сезии вовсе не принадлежит к тем неприступным позициям, на которых горсть людей может останавливать целые армии; но все-таки, подобно другим рекам, впадающим в По, она представляет значительные выгоды обороняющемуся. Как все реки Северной Италии, она течет широким руслом, пересеченным маленькими островами и отмелями, а берега ее покрыты густыми рядами деревьев, дающими хорошую защиту.

«В Верчелли проходят через Сезию дорога в Новару и другая дорога в Мортару; в этом городе сходятся и две железные дороги, одна — ведущая с юга к Лаго-Маджоре, а другая — из Сардинии в Милан. Потому Верчелли, будучи ключом сообщений между Сардинией и Ломбардией, составляет важный стратегический пункт в стране, которая вся пересечена рвами и канавами, устроенными для орошения полей.

«Отступая из Верчелли, австрийцы разрушили единственный мост, служивший и для шоссе, и для железной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла железная дорога). Взорвав две средние арки

* Мортара лежит верстах в 20 на восток от Верчелли и также в верстах в 20 прямо на юг от Новары, то есть от прямой дороги из Турина и Верчелли в Милан. Новара на севере и Мортара в средней части четырехугольника, который занимали австрийцы, лежат почти на одинаковом расстоянии между Сезиею и Тичино.

** Дора течет почти параллельно с Тичино и Сезиею верст на 35 к западу от Сезии, так что от ее устья остается до Турина по прямому пути верст 30. Австрийцы начали отступать с Доры около 13 (1) мая.

моста, австрийцы разорвали важнейшую линию сообщения с Новарою и всю местностью между Тичино и Сезиою.

«Десять дней тому назад, как вы знаете, дивизия Чальдини перешла в Борго-Верчелли — деревню, которая находится по дороге в Новару, милях в двух (верстах в трех) от Сезии. С той поры она стояла тут, не будучи нимало тревожима австрийцами, расположенными в соседних деревнях.

«30 мая было назначено отгеснить австрийцев с их позиций по дороге к Мортаре. С дороги из Верчелли в Новару отделяются на правой руке две ветви, идущие на расстоянии около одной мили (полторы версты) одна от другой. Одна из этих ветвей отделяется с большой дороги при деревне Борго-Верчелли. Обе они идут почти параллельно между собою в юго-восточном направлении и, наконец, соединяются в Роббио, милях в десяти (верстах в шестнадцати) от тех пунктов, из которых выходят *. Милях в двух от начала этих ветвей стоят на них: на одной — деревня Палестро, на другой — деревня Винзалио; обе эти деревни, находящиеся почти друг против друга, были заняты австрийскими авангардами и укреплены баррикадами; в каждой деревне стояло 1.500 человек и половина батареи.

«Как при переходе через Сезию, так и теперь, движением для отгеснения австрийцев командовал сам жороль. Дивизия Чальдини была разделена на две колонны, которые одновременно пошли, одна — на Палестро, другая — на Винзалио.

«Чтобы понять вам трудности, с которыми должны были бороться сардинцы, я должен описать вам ту местность. Вся страна на восток от Сезии составляет одну массу хлебных и рисовых полей, разделяемых насыпями, сделанными для проездов, и канавами от 3 до 4 футов глубины, для орошения. Межи этих участков густо усажены деревьями, большею частью тополями и платанами, а самые поля густо усажены шелковичными деревьями. После проливных дождей хлеб имел роскошный рост и вообще стоит теперь вышиною, по крайней мере, от 5 до 6 футов, доставляя, таким образом, превосходное прикрытие для стрелков. Рисовые поля, напротив, до сих пор все остаются под водою; для ровного распределения воды и управления орошением сделаны маленькие насыпи от одного до двух футов вышиною, идущие по полям зигзагами, сообразно с наклоением местности. По такому-то округу идут две дороги, образуемые искусственными насыпями и возвышающиеся иногда футов на 20, а иногда и больше, над уровнем окружающих полей и над дорожками, которые идут по полям и от фермы к ферме почти на одном уровне с полями. По этим маленьким дорожкам до сих пор проход еще труден после весенних дождей. Из этого очерка, без которого невозможно составить понятие о ходе битвы, вы можете видеть, как затруднительно было наступление и какие выгоды были для обороны. Во-первых, совершенно невозможно было сколько-нибудь развернуть силы и воспользоваться числителным превосходством. Во-вторых, артиллерию можно было ставить только на двух шоссе — остальная местность не позволяет провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на нем больше двух пушек. Наконец, как бы для засвидетельствования сардинской храбрости, положение обеих деревень само по себе очень крепко. На ружейный выстрел перед ними течет канализованная речка Боджеа-Бузеа. Эта быстрая речка имеет, по крайней мере, 15 футов ширины и 5 глубины. Кроме моста на каждом из двух шоссе, других мостов через нее нет. Перед деревнями местность имеет легкий подъем, начиная с 300 ярдов (125 сажен) от мостов, а потом вдруг обрывисто подымается на высоту от 20 до 30 футов. На этом крутом пригорке построены деревни, а самые шоссе, для которых такой отвесный подъем был бы невозможен, прорезаны сквозь возвышение будто бы широкие железные дороги, и с обеих сторон возвышаются над ними отвесные крутизны прореза. При входах в обе деревни австрийцы устроили баррикады. Подобно всем итальянским деревням, оба села выстроены исключительно из дикого

* Роббио стоит на дороге из Верчелли в Мортару, несколько ближе к Мортаре, нежели к Верчелли.

камня и кирпича; главные улицы в них почти совершенно прямые; по этим улицам идут шоссе. Тут стоит церковь старинной постройки с высокой колокольней, которая в военное время прекрасно служит для открытия неприятеля, приближающегося по прямому шоссе. Дворы домиков кругом обнесены постройками, окон в них мало, да и те очень невелики, так что каждый домик составляет маленький редут, запершись в котором мужественный противник может дорого продать победу нападающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приблизилась к Палестро, отделение 16-й батареи выехало вперед и стало бомбардировать деревню, а батальон берсальеров и один батальон 15-го линейного полка были посланы в обход направо от шоссе по одной из маленьких дорожек и через поля, чтобы напасть на деревню с левого фланга неприятеля. К тому времени, как эта колонна подходила к первым домикам, неприятель с фронта начал колебаться от артиллерийского огня. Как только это было замечено, другой батальон 15-го линейного полка двинулся скорым шагом. Эту двойную атакою деревня была очищена от австрийцев, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стеною. Они поставили несколько пушек на шоссе за деревнею, на одной линии с кладбищем, чтобы стрелять по сардинцам, когда они двинутся за деревню. На середине села, на шоссе стоит церковь, и шоссе в этом месте делает поворот; потому, когда австрийцы были вытеснены из деревни, сардинцы в деревне не терпели вреда от пушек, поставленных неприятелем на шоссе за деревнею. Чтобы заставить замолчать эти орудия, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрийцы быстро подбили их. Тогда сардинцы выставили другое отделение 16-й батареи; оно скоро заставило неприятеля прекратить огонь. Немедленно после этого австрийцы удалились, и пьемонтцы остались владельцами деревни, захватив довольно много пленных.

«Деревня Винзалио по своему положению более крепка и страшна при обороне; но сардинцы встретили там меньше сопротивления. Она была также взята штыками, а пороху сардинцы истратили тут мало. Эта деревня была очищена австрийцами несколько раньше Палестро, и едва сардинцы успели выбить их с кладбища у Палестро, по узкой дороге из Винзалио в Палестро прибыли две австрийские пушки с прикрытием — неприятель еще надеялся найти своих в этой деревне. Как только сардинцы заметили приближение этих орудий, они послали из Палестро отряд, который без затруднения взял их, потому что прислуга, обрезав постромки, ускакала. Эти две пушки были первыми, взятыми в нынешний поход. Они были в тот же вечер отосланы в Верчелли.

«Дивизия Чальдини стала на ночь в Палестро. Вечером пришел 3-й полк зуавов, бывший в Крыму, а теперь отданный императором в распоряжение короля сардинского.

«Так совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часов в девять, замечено было, что австрийцы приближаются, повидимому, с намерением отбить у сардинцев позицию, потерянную накануне. Хотя колокольня церкви в селе довольно высока, но благодаря характеру местности, описанному мною, их приближение не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще меньше можно было разгадать их план. За деревнею земля покрыта преимущественно хлебными полями, между тем как в местности, пройденной сардинцами до деревни, господствуют рисовые поля. По соседству с деревнею на полях деревьев мало, стало быть, местность благоприятнее для того, чтобы развертывать силы в боевую линию.

«Австрийская канонада против деревни продолжалась уже несколько времени; но все еще нельзя было угадать их истинного плана. Вдруг с правого фланга сардинцев, на той канализированной речке, о которой я упоминал, показался большой неприятельский отряд с двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрийцы хотят ни больше, ни меньше, как отрезать передовой сардинский отряд от Сезии. Как только это было замечено, сардинцы, двинувшиеся главными своими силами вперед за деревню против австрийцев, послали с крайнего правого своего фланга полк зуавов и два свои батальона

(один 9-го, другой 18-го линейного полка) против неприятеля, показавшегося на речке. Одушевленные братским соревнованием, эти храбрецы бросились на позицию, занятую австрийцами на правом их фланге, и, несмотря на страшный картечный огонь, встретивший их, сделали великолепную атаку на австрийские пушки. Им надобно было пройти около 400 ярдов (175 сажен) под убийственными неприятельскими выстрелами, и правда, что из их рядов было вырвано огнем много людей; но жар их не остыл, и, сделав по одному выстрелу, они бросились в штыки. Атака была так стремительна, что тирольские стрелки, выдвинутые цепью впереди батарей, не успели отступить, а прибежали к батареям перемешанные с сардинцами и зуавами. Восемь пушек и много пленных были результатами этой блистательной атаки. Из восьми пушек пять очутились в руках у зуавов, три у сардинцев; но стремительность нападения была так мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кем была взята. Кроме этих восьми пушек, от 800 до 900 пленных и раненых попало в руки союзников. Число убитых пропорционально этой цифре. Первая забота обратилась, натурально, на раненых, и справедливость требует сказать, что австрийцы, которым судьба определила быть ранеными и попасть в плен, не могут жаловаться на обращение союзников с ними. Такая заботливость должна производить на этих бедняков тем большее впечатление, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать с пленными самым дурным образом. Поэтому, например, был случай, что австрийский солдат, раненный под Вогерою в живот и в голову, четыре дня прятался в погребе, не евши и не пивши и перевязывая свои раны носовым платком.

«Как серьезна была битва, можно судить по числу раненых, привезенных со вчерашнего дня и все еще продолжающих прибывать в Верцелли. Это — темная сторона войны. Бедняки переносят свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видеть их бледные лица, раздробленные члены, их окровавленное платье и слышать стоны, вырывающиеся у них против воли.

«Австрийские пленники возбуждают здесь, натурально, большое любопытство. Не знаю, быть может, нарочно на передовых позициях были поставлены самые молодые солдаты, но, как бы то ни было, почти все пленные — просто мальчики. Неудивительно, что они не устояли против возмужалых пьемонтцев и притерпевшихся к военным трудностям зуавов. Любопытно также, что большинство их, принадлежавшее к полку Вимпфена, набранному в славянских провинциях на адриатическом берегу, говорит по-итальянски. По всей вероятности, австрийцы хотели показать, что могут вполне полагаться на свои итальянские полки».

В дополнение к этим сведениям вот еще отрывок из письма другого (туринского) корреспондента Times'a.

«Турин, 2 июня (21 мая).

«Король сардинский выказал тут (при Палестро) неудержимую храбрость, которой он отличается. Он сам водил войско в атаку на батарею, как будто бы простой капитан, желающий поскорее получить майорские эполеты. Его отвага приобрела ему любовь зуавов, они провозгласили его своим товарищем и наградили чином капрала зуавской службы. «Он может быть доволен, мы его выбрали единодушно», говорят они: *il doit être content, il a été élu à l'unanimité*. На первый раз это хорошо, и пример короля, без сомнения, имел хорошее действие на армию; но место главнокомандующего — не в голове батальона, идущего в атаку, и Виктор-Эммануил должен помнить, что его смерть запутала бы положение дел и могла бы повредить интересам, которые и теперь, по мнению многих, не совершенно ограждены от опасности*.

* Корреспондент намекает на опасность, грозящую самостоятельности Италии не от одних врагов, но и от союзников. Мы увидим, что многие итальянцы боятся французов.

Говорят, император французов сказал ему, что он должен более щадить свою жизнь, если хочет быть королем итальянским. Но характер короля решительно боевой, и я уверен, что он находит положительное наслаждение в экзальтации схватки, в запахе австрийского пороха, вспыхивающего у него под носом. Достовернейшие из здешних рассказов о битве при Палестро свидетельствуют, что австрийцы ниже своих противников в действовании штыком и не могут устоять против этого оружия во французских или пьемонтских руках. Факт тот, что из привезенных теперь сюда австрийских раненых огромное большинство, имеющих рану штыком, получили ее сзади. Кажется, робость овладевает ими в решительную минуту схватки. Некоторые из итальянцев, взятых в плен при Палестро, рассказывают любопытные подробности об итальянских солдатах австрийской армии. Говорят, что итальянцы были поставлены в первую линию, а позади их кроаты. Когда союзники подошли, один из солдат (это передает его товарищ, солдат той же роты) заметил офицеру, что грустно им, итальянцам, быть принужденными сражаться в Италии против итальянцев. У офицера в руках была обнаженная шпага, и он отвечал на неосторожное замечание тем, что заколол солдата. Потом он обратился к роте и сказал, что если они не будут исполнять своей обязанности, кроаты, стоящие за ними, будут стрелять по ним. Разумеется, им оставалось только сражаться, и, вероятно, они «исполнили свою обязанность», если справедливо говорит пленный, что из 165 человек, составлявших его роту, осталось в живых только 16. Впрочем, я уже писал вам прежде, что итальянцы в австрийских войсках сражаются отчаянно. Но, сделав первый залп, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшего их товарища. Другие итальянские роты падали на землю, пропуская сардинцев далее. Таковы рассказы пленников, и надобно сказать, что они несут на себе печать истины. Австрийцы, разумеется, будут оспаривать их справедливость, но такое опровержение едва ли должно иметь много веса».

Рассказы английских корреспондентов, переведенные нами, имеют не одно то достоинство, что очень ясным образом знакомят нас с обстоятельствами битв при Палестро, совершенно бестолково рассказываемых континентальными газетами. Они также одни только представляют настоящее отношение между участием сардинских и французских войск в одержанной победе. По французским и бельгийским известиям вся честь второй, решительной битвы предоставляется исключительно зуавам, и выходит, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрийцами, когда подошел на выручку к ним третий полк зуавов, который притом был будто бы направлен на помощь к ним самим императором, видевшим поражение своих союзников. Все это оказывается чистым вздором. Мы видим, что третий полк зуавов еще в предыдущие дни был отдан императором в распоряжение сардинского короля и поступил в состав отряда, которым командовал Виктор-Эммануил. Полк этот вовсе не подоспел на выручку бог знает откуда, а просто с начала битвы был поставлен сардинским королем на правом фланге. Послан был он против австрийцев, пошедших в обход деревни, не по какой-нибудь особенной причине, не потому, чтобы только он один мог исполнить атаку, слишком трудную для сардинцев, как предполагается по французским отчетам; нет, вместе с ним пошли, ни на шаг от него не отстали, в один миг с ним добежали до неприятельской батареи, взяли ее и смяли австрийцев два сардинские батальона, и если ему приш-

лось участвовать в блистательной атаке вместе с сардинцами, так это просто потому, что он стаял на правом фланге, около которого пошли в обход австрийцы; а на какой пункт будет произведено главное наступление австрийцев, это, как мы видим, решительно не было известно до той самой минуты, как началась атака сардинско-зуавским правым флангом. Вовсе не видно и того, чтобы на других пунктах сардинцы уступали неприятелю; напротив, австрийское наступление с фронта оказывается только фальшивою атакою; служа единственно для замаскирования обхода с правого фланга, фронтальное наступление и не должно было иметь особенной энергии, а по французским известиям представляется, будто бы до того места, где атаквали их зуавы, австрийцы дошли, гоня перед собою сардинцев, сбитых ими с позиции, между тем как на самом деле они достигли этого места особенным отрядом, посланным в обход и нимало не гнавшим сардинцев ни с какого пункта. Словом сказать, весь ход дела искажен с тою целью, чтобы вся честь победы принадлежала одним зуавам, а сардинцы являлись бедствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость к сардинцам мы видим во французских отчетах и о деле при Монтебелло. Сардинская кавалерия почти забыта в них, и если упоминается, то как будто только с целью внушить, что она спаслась от истребления единственно отступлением под защиту французского аванпоста, командуемого Камбрелем; между тем собственно ее блистательным атакам были обязаны французы тем, что слабый отряд их мог удержаться до прибытия подкреплений; а что она не искала защиты, доказывається тем, что она постоянно возобновляла атаки до тех пор, пока потеряла почти всех своих лошадей. Возвращаясь ко второму делу при Палестро, мы выставим один факт, положительно доказывающий, что в знаменитой атаке на правом фланге сардинцы действовали ничуть не хуже зуавов: из восьми пушек, взятых быстрым натиском, три оказались в руках у сардинцев и только пять у французов. Эта пропорция трофеев совершенно соответствует числительности тех и других войск. Зуавский полк имел три батальона, сардинцев было два батальона, и по числу взятых пушек оказывается, что все батальоны действовали в натиске совершенно ровно. Участие сардинских войск в успехах, приобретенных союзниками, вообще уменьшается систематически во французских известиях. Так, например, почти совершенно замаскировывается в них тот общий факт, что сардинцами была исполнена главнейшая часть плана, который имел результатом очищение западной Ломбардии от австрийцев. Пока французы бездейственно стояли на южном берегу По, на долю сардинцев досталось произвести то наступление по миланской дороге, следствием которого была победа при Мадженте. Сардинцы должны были перейти Сезию, устроить мосты на ней для перехода остальных частей войска; они вообще были авангардом в общем плане кам-

паний и подвергались сильнейшему риску. Да и самые сражения при Палестро, данные при исполнении этой трудной задачи, лишаются своего значения по французским отчетам, между тем как собственно они очистили французам дорогу в Ломбардию.

Не успев остановить наступление сардинцев к Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идут все французские силы, австрийцы начали быстро очищать пространство между Сезиено и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться с теми своими силами, которые стояли на южном берегу По и теперь были двинуты для общего отпора врагу, направившему свое нападение не с той стороны, как ждали австрийцы. Кажется, только 1 июня они убедились, что союзники обманули их искусным передвижением главных сил на север; они догадались об этом плане уже тогда, как он был исполнен, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы неприятель не захватил их отрядов разбросанными. Они отступали с такой поспешностью, что бросали в сардинских городах не только запасы провианта и оружия, но часто и свои кассы с звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только в нескольких часах пути и через четыре дня по начатии наступления уже переходили через Тичино у Буффалоры, Турбиго и других деревень, расположенных вдоль реки около железной дороги и шоссе, ведущих из Новары в Милан. Переправа не обошлась без сражений, и между прочим было дело у переправы в Турбиго (3 июня); но читатели знают, что эти схватки были только прелюдиею к генеральному сражению 4 июня при Мадженте, в нескольких верстах от сардинской границы на миланском шоссе. Остановимся здесь на минуту, прежде чем станем говорить об этом сражении, и обратим свое внимание на австрийцев: до сих пор мы все говорили только о действиях союзников, и было бы обидою с нашей стороны австрийцам не поговорить подробно и о них, а мы ни за что в свете не хотим оскорблять это образцовое правительство; недаром про нас говорят очень многие, что мы держим сторону австрийцев: мы охотно сознаемся, что чувствуем к ним слабость; да и как не симпатизировать нам при наших убеждениях с восхитительной австрийской системой? Да, мы смотрим на австрийцев с умилением восторга за то, что всему свету являются они в истинном виде. Как в древности говорили о греках, что все их дела и мысли всем известны в настоящем виде, — *res graecorum nuda est* *, — так можно теперь сказать об австрийцах, и об одних австрийцах, что никто не ошибается на их счет³. Попробуйте сказать что-нибудь о французской, об английской, о какой угодно другой внутренней или внешней политике, — сотни и тысячи благороднейших людей бросятся на вас за недостаток веры в честность, благородство, в добрые намерения, в прекрасные цели, в восхитительные резуль-

* Дело греков ничем не прикрыто. — Ред.

таты; вы будете названы грязным скептиком, клеветником, желчным фанатиком и т. д. С одними австрийцами дело не таково. Тут скажите только: «австрийская политика своекорыстна, реактивна, гнусна», — все с вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрийцы за то, что ими одними не обольщен никто? Это объективная причина нашего глубокого сочувствия к австрийцам: невозможно не уважать дела, не производящего ошибки ни в чьем уме. Есть и субъективная причина у нас любить австрийскую политику: она служит едва ли не единственным предметом, в мнении о котором сходимся мы со множеством людей, очень строго осуждающих наши мнения почти о всех остальных делах белого света. Только говоря об австрийцах, они могут хотя на минуту примиряться с нами и признавать, что еще осталась в нас хотя слабая искра некоторого человеческого чувства. Скажите же, читатель, как нам не любить австрийцев? Ведь без них исчезло бы единственное зеркало, в котором черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же в австрийский лагерь и посмотрим, что надобно сказать о действиях благородного и человеколюбивого Гиулая, полтора месяца тому назад рыцарски пошедшего освобождать сардинцев. Надобно, к сожалению, признаться, что и с той поры, как он должен был действовать оборонительным образом, умственное достоинство его распоряжений столь же мало соответствовало высокому нравственному достоинству его дела, как и в ту пору, пока он мог действовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можем: запасы, оружие, деньги, оставленные австрийцами при торопливом отступлении, слишком ясно обнаруживают, что австрийские генералы вместе с своим Гиулаем не умели ничего сделать как следует и заблаговременно. Они укреплялись на Сезии и пропустили сардинцев через эту реку без боя. Кротость похвальна; но в таком случае зачем же было изнурять своих солдат работами для устройства укреплений? Пропустивши врага там, где следовало остановить его, они принялись сражаться с ним на mortarской дороге. Отважность также похвальна; но зачем было сражаться, имея в тылу Тичино? Военные люди говорят, что, имея в тылу реку, переход через которую труден, сражаться не следует. Как только союзники ворвались или, лучше сказать, беспрепятственно вошли в знаменитый, надоевший и нам и, вероятно, читателям четырехугольник между Сезиею и Тичино, каждому и французскому, и австрийскому офицеру было ясно, что австрийцам остается только отступить за Тичино. Или они сражались затем, чтобы задержать наступление и порядочным образом убраться, куда им следует? Но нет, они удовольствовались тем, что пять батальонов отняли восемь пушек у какого-то их отряда, рассудили, что останавливать союзников не стоит, и пошли назад так торопливо, что не успели вывезти с собою даже своих денег, и притом не бумажек, а настоя-

щих, металлических денег, которыми так небогаты. Что ж это такое за нелепица? Но об этом хорошо говорит Times. Статья его, написанная еще до получения точных сведений об искусном передвижении союзников с юга на север, уделяет часть своего приговора и французам; но по дружбе к австрийцам мы скажем, что все суждения английской газеты должны теперь достаться исключительно в их пользу: французские генералы доказали после того, что кроме ружей и пушек имеют и достаточную долю ума.

«Делайте, что хотите (говорит Times), — трубите в трубы, бейте в барабаны, размахивайте знаменами, оглушайте шумом, ослепляйте блеском, — война все-таки страшное и отвратительное дело, стоящее в резком противоречии со всеми религиозными учениями, всеми нравственными чувствами, всеми потребностями и стремлениями цивилизации. Войною мы еще связаны с гнусным прошедшим, с временами невыразимого варварства и зверства, бесконечных и бесплодных страданий рода человеческого. Когда цивилизованные люди берутся за оружие для взаимного истребления, как мало различия между ними и дикарями, как похожим становится XIX век, видевший возникновение Французской империи, на V век, видевший падение Римской империи! Но как ни отвратительна бывает война всегда, никогда не являлась она в форме более ужасной, нежели та, какую имеет теперь на итальянском полуострове. Кажется, как будто бы принята теория Гоббза, и война сочтена естественным состоянием человечества, слишком долго подавлявшимся трусливою и ничтожною однообразностью мира. Иначе, как бы могло с первого дня нынешнего года внезапно оказаться невозможным положение вещей, продолжавшееся 45 лет? Война представляется еще ужаснее от своего сближения с величайшими приобретениями новой цивилизации. Резня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поездками железной дороги, подвозившей свои грузы прямо на место человеческой бойни, как подвозят быков, баранов и телят на бойню, питающую Лондон. Оскверненная наука обращена в орудие для истребления того самого существа, умом которого создана она, и тайны, вырванные терпеливым и долгим трудом мысли из тайников не хотевшей выдать их природы, обращены на уничтожение прекраснейшего ее творения. Враждебные толпы встречаются с свирепостью, которой могли бы позавидовать гунны и вандалы, а известия о каждой подробности резни разносятся прекрасным механизмом электрического телеграфа, и пульс, в котором бьется жизнь природы, с верностью и быстротою, неведомой бичу людей в прежние времена, сообщает все обстоятельства разрушения.

«Но этот контраст между гнусными средствами и целями войны и благородными силами, поработанными их осуществлением, еще не так возмутителен, как легкомысленная, напрасная растрата жизни, замечаемая нами в нынешней борьбе. Сделавшись более ученою, война утратила несколько своей прежней дикости, и со времен великого Наполеона стала игрою, в которой победа должна принадлежать скорее высшему уму, нежели отчаяннейшей храбрости. По мнению Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно иметь более гражданских, нежели чисто военных качеств, чтобы вести войну успешно; и оба они своими успехами были более обязаны удивительной верности своих соображений, нежели храбрости своих войск, как ни велика была она. Их армии совершали упорные битвы, в которых много страдали; но бились и страдали они для достижения важных стратегических целей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью или перебить много людей у неприятеля. Солдат чувствовал, что его победа необходима для выполнения плана, осуществление которого ведет к тому, чтобы предать в его власть неприятельскую армию или столицу. Герцог Веллингтон хотя и выиграл много побед, но любил хвалиться тем, что никогда не начинал ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовал кровью своих солдат на дела, не имевшие прямой

связи с результатом похода. Смотри на вещи, происходящие в Италии, мало мы увидим следов тех правил, какие были оставлены для руководства будущих полководцев этими великими мастерами военного искусства. До сих [пор] война представляла нам ряд кровопролитных битв, дававшихся, кажется, с тою единственною целью, чтобы истреблять людей друг у друга. Отыскивать неприятеля повсюду, где можно найти его, бросаться в стычку, стоять в ней с бульдожеским мужеством и потом отойти, не получив и не желая получить никакой выгоды, кроме «нанесения большой потери неприятелю», — это кажется высочайшею мудростью, доступною нынешним полководцам. Возьмите, например, сражение при Монтебелло, в котором было погублено громадное число людей, — такое громадное число, что до изобретения нарезного оружия такое кровопролитие было бы достаточно для решения судьбы похода или для взятия крепости, господствующей над целою провинциею. Бывала ли когда-нибудь такая напрасная и беспредметная резня? Австрийцы хотели узнать, как велики силы французов в известном направлении, и, узнав это, напирала все вперед, с полной уверенностью, что додвигаются наконец до таких сил, превосходством которых будут оттолкнуты назад. Они знали это столь же твердо, как мальчик, бросающий камень в пруд, знает, что камень дойдет до дна и остановится на нем. Но для удовлетворения ребяческому желанию превратить рекогносцировку в нападение, не могшее иметь успеха, принесено было в жертву больше людей, чем стоила Альмская победа⁴, и лишены были жизни эти люди без малейшего результата.

«То же самое можно сказать о сражениях при Палестро. Сколько мы знаем, ни на минуту нельзя иметь мысли, что австрийцы станут серьезно защищать всю линию перед Тичино, когда французско-сардинская армия двинется для занятия этой линии. Но Палестро несколько раз переходил из рук в руки; австрийцы дрались за него с сардинцами с таким же ожесточением, как будто за Эйлауское кладбище, или Бородинский редут, или за Гугумонскую ферму под Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрийцы должны отступить — того требует план их кампании. В тылу у них почти неприступная линия Минчио между Гардским озером и Мантуанскими болотами, и по всем соображениям не следует им останавливаться для решительного отпора, пока нет на их стороне ровно никакого преимуществва. А если так, то кровь, пролитая под Палестро, пролита понапрасну и ничего не приобретено уменьшением силы одной армии, которое куплено таким же уменьшением силы другой армии. Генералы с обеих сторон действуют, кажется, по совету, даваемому Филлидором молодым игрокам: «чаще меняйтесь шашками, говорит он, потому что это очищает шахматницу и дает простор игре». Военное искусство должно было бы иметь другой способ действия; слишком легко достичь в нем совершенства, если оно учит только нападать на неприятеля при всяком случае и наносить себе вместе с другими всевозможный вред. По сравнению с такою тактикой достойно славы вторжение Гарибальди в австрийские владения, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено без поддержки: если он рисковал погубить себя и своих спутников, то, по крайней мере, у него была цель действительно важная. Мильтон говорит, что англо-саксонские битвы столько же заслуживают памяти в истории, как битвы коршунов с воронами. То же самое можно сказать о ряде битв, в которых единственною целью было кровопролитие, в которых тысячи были убиты не для исполнения какого-нибудь обдуманного плана, а просто в удовольствие драчливости двух армий, генералы которых, повидимому, неспособны сдерживать свое взаимное ожесточение до той поры, когда созреет план действий с не напрасным пролитием крови. Впрочем, ведение войны соответствует ее началу. Начата она без всякой основательной причины, ведется она с циническим презрением человеческой жизни, достойным деспотических государств, измеряющих свое благосостояние и могущество не числом рук, которые могут заниматься в них полезною деятельностью, а объемом, до которого могут они развить средства резни и разрушения в рядах своих многочисленных армий».

Эта статья была напечатана в Times'e еще 2 июня (21 мая), когда не было известно, что сражения при Палестро были следствием общего наступления, предпринятого союзниками; по вздорным телеграфическим депешам казалось тогда, что движение сардинцев за Сезию не вытекало из общего плана, а было чисто делом удалства. Потому-то автор статьи осуждает за бессмысленное кровопролитие полководцев обеих сторон. Теперь мы знаем, что действия французско-сардинских полководцев были обдуманны, и только слова их депеш, нелепо эффектных, отнимали на время у их поступков характер благоразумия. Теперь, когда ход дела стал точнее известен, мы видим, что и под Палестро, как под Монтебелло, только бездарность австрийских предводителей производила решительно ненужную для них резню.

Провожая австрийцев из сардинских владений, мы должны сказать несколько слов в объяснение неправдоподобных уверений, которыми отвечали они на крики о грабительствах и свирепостях, будто бы произведенных ими в Пьемонте. Теперь нет надобности говорить, что слухи эти действительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужным напечатать официальное предупреждение своим газетам, чтобы они перестали с нерасчетливой радостью выдавать за истину все выдумки о каннибальстве австрийских солдат. Оно разочло, что излишнее пристрастие к пустым сплетням в результате повредит делу самих союзников во мнении Европы. Но, быть может, французское правительство не заслуживает доверия? Мы не станем спорить против этого, а припомним только, что само сардинское правительство сняло с австрийских кораблей эмбарго, наложенное на них по официальному объявлению за грабительство австрийцев в Сардинии. Сняв эмбарго, оно показало, что уверилось в несправедливости этих слухов. В первый раз поколебалась вера в них письмами англичанина, корреспондента Times'a, допущенного австрийским правительством находиться при главной квартире австрийской армии. Странное, кажется, дело: все австрийские газеты и само правительство уверяло Европу, что слухи о грабеже несправедливы; никто не верил. Написал какой-то англичанин, никому неизвестный, бог знает каких нравственных качеств, и ему поверили больше, нежели всем австрийским командирам, [всем австрийским посланникам и министрам и самому императору. Отчего же не верили им — поверили ему? Просто оттого, что он — англичанин, т. е. человек свободный, который может говорить то, что действительно думает. Этой привилегии лишены не только австрийские командиры и министры; ее лишен и сам Франц-Иосиф: тот, перед кем нельзя говорить правды, не смеет и сам говорить правды. В самом деле, почему мы знаем, что думает об известном человеке своей службы или об известном деле, происходящем в своих владениях, австрийский император? Если мы иногда и узнаем это, то никак не из его слов,

потому что он и сам скован цепями, в которых содержится вся Австрия. Разве он смеет сказать, что недоволен кем-нибудь или чем-нибудь? Буоль вытеснен в отставку за то, что повредил успеху австрийского вторжения в Сардинию, задержав на несколько дней переход армии через Тичино. Осмелился ли сказать Франц-Иосиф, что Буоль поступил дурно или что вообще он недоволен Буолем? Нет, Франц-Иосиф не посмел, он принужден провозгласить Буоля комплиментами и похвалами: «Признавая великие услуги ваши, мы с сожалением уступаем вашей, к сожалению, непоколебимой просьбе лишить нас ваших мудрых советов».

Этого мало; он, бедный, должен терпеть еще большее унижение, он принужден не только публично льстить человеку, против которого раздражен, — он обязан даже публично награждать его: отставка без награды была бы принята публикою за немилость, а он не смеет не сделать всего, что нужно для прикрытия его гнева; он не только принужден говорить ложь, он обязан поступать против воли в подтверждение искренности своей лжи; и при этом он еще знает, что каждому жителю Вены известно, что он лжет, льстит, унижается. Неизвестно, понимает ли он характер подобного положения; но если понимает, то, конечно, никто из нас, читатель, хоть мы и мелкие люди, хоть очень много есть людей, могущих безнаказанно оскорблять нас, — никто из нас никогда не терпел такого мучения за свое человеческое достоинство, какое постоянно терпит Франц-Иосиф].

Но возвратимся к слухам об австрийском грабительстве в Сардинии. Когда союзники вступили в области, оставленные неприятелем, корреспонденты французских газет, следовавшие за армиею, сами убедились, что необходимо отказаться от прежних сплетен, и начали писать, что австрийцы не делали с сардинцами ничего предосудительного. Мало-помалу откровенность дошла до того, что мы прочли в *Indépendance Belge* следующие строки, конечно, очень лестные для австрийцев, но еще более утешительные для ломбардцев, которые теперь с восторгом встречают французов:

«Проведя три дня в стране на восток за Тортоною *, я собрал, пишет французский офицер, подробности о контрибуции, наложенной австрийцами на занятые ими города. Все дурное, разносившееся слухами, почти совершенно исчезает, кроме нескольких изолированных фактов, которые надобно приписать исключительно бродягам. На мой взгляд, австрийцы не переступали границ военного права, совершенно позволяющего жить на счет неприятельской страны. Мое мнение разделяется здесь (т. е. во французском лагере) всеми. Наверное мы не видели бы большого греха, если бы стали точно так же поступать в Австрию».

По рассказам английских корреспондентов, французские офицеры употребляют иногда в этом аргументе вместо слова «Австрия» слово «Ломбардия». Но что еще будет в Ломбардии, мы

* Т. е. в местности, которую долго занимали австрийцы.

услышим, а пока знаем только, по свидетельству того же французского офицера, что дело производится иногда его товарищами и в Сардинии несколько по примеру австрийцев. Несколькими строками выше переведенного нами места мы в том же письме читаем:

«Не знаю, понятно ли вам, что такое значит расположение войск по квартирам? Скажу вам о нем два слова, потому что дело это непривычное для французской армии, которая со времени последних войн всегда располагалась только на бивуаках. Квартирование по деревням состоит вот в чем. Отряд приходит, вступает на двор фермы: начальник отряда ищет помещения: овины, конюшни, амбары — запертые и отпертые — все годится, на чем есть кровля. (Итак, замок на дверях амбара не служит помехой?) Берут у фермера всю солому, нужную для постилки людям. Располагаются в этих амбарах, овинах, конюшнях, и каждый устраивает себе постель. Правда, что потом дают крестьянину квитанцию для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли дают их? Невозможно, чтобы при квартирном расположении более 100.000 человек не потерпел убытка какой-нибудь бедняга. Правда, что этот бедняга порядком вознаграждает себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, как видно, не всегда дают даже квитанции, по которым заплатит казна, то всегда ли дадут деньги из своего кармана?) В первый раз, как я увидел такое бесцеремонное хозяйничество, — увидел, как солдаты, не обращая ни на что внимания, берут охапки соломы, у меня поворотилось сердце, — но что же делать, надобно же солдату иметь постель».

Если у автора письма на первый раз поворотилось сердце, то, вероятно, не от одних охапок соломы, иначе нервы у него были бы уже слишком чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцам и будут платить ломбардцам за птицу, вино и т. д.; всегда ли будут они выдавать им идилические квитанции за солому, и действительно ли Ломбардия тоже должна входить в состав той Австрии, где, по мнению французского лагеря, не будет большого греха поступать французам точно так же, как австрийцы поступали в Сардинии, — дело идет теперь не о французах, а об австрийцах, симпатия к которым в нас замечена многими и признана теперь нами самими. Признаемся, источником похвальной гордости служит нам то, что теперь сами противники австрийцев свидетельствуют о безукоризненном поведении наших друзей в сардинских областях. Но следует ли из безупречности их поведения по кодексу французского офицера, чтобы жителям занятых ими областей дешево обошлось посещение Гиулая-освободителя? В целых округах не осталось ни хлеба, ни скота, ни птицы, ничего, так что жители будут голодать до следующей жатвы (в Италии, впрочем, при летнем зное диета полезна, да и до жатвы осталось недолго); в три года едва ли успеют они снова обзавестись скотом и в десять лет можно еще будет с первого взгляда узнавать те местности, в которых побывали гости. Да, нам, читающим газеты, война сходит с рук очень удобно, а нашим знакомым, служащим в обер- и штаб-офицерских чинах, она иногда бывает даже приятна, потому что дает прибавку жалованья; но поселянину она не обходится дешево даже при ав-

стрийском поведении войск, совершенно соответствующем французскому идеалу. Вся восточная часть Пьемонта теперь разорена; если беспорядочных грабительств не было, все-таки все средства страны поглощены реквизициями; каким же образом могли быть придуманы австрийцами дикие сказки, будто бы сардинские поселяне принимали их с радостью, точно в самом деле Гиулай с товарищами идет освобождать их? Самая нелепая выдумка должна же привязываться к какому-нибудь действительному обстоятельству. Объяснение этой видимой нелепости мы опять-таки находим в письмах одного из корреспондентов Times'a. Вот что между прочим писал он из Гарласко 28 и 30 мая.

«В одном из моих первых писем отсюда (из восточной части Сардинии) я говорил, что поселяне вовсе не расположены были к войне, а готовы, пожалуй, к социалистской революции, ненавидя своих господ, богатых собственников, живущих в Турине и в Милане. Одна из австрийских газет сочиняет из этого, будто бы народ здесь расположен к Австрии. Нет, я могу уверить вас, что поселяне Ломеллинской провинции (земли между Сезиею и Тичино) не любят ни австрийцев, ни французоз, ни своего правительства. Они имеют только одно чувство — ненависть ко всем «проклятым господам» (*maladetti signori*). Они думают, что богатые, — «богатыми» называют они всех, не работающих руками, — имеют выгоду от войны и приносят ей в жертву поселян и их интересы. Видя, как легко могло бы быть произведено здесь социалистское возмущение, я не могу верить словам Туринского бюллетеня № 32, говорящего, что австрийцы старались возмутить бедный класс жителей в Страделле и Вогере против богатых... Стараются поколебать доверие к моим письмам, представляя меня приверженцем австрийцев. Уверю вас, мое все сердце лежит, как должно лежать сердце каждого англичанина, к итальянскому народу, масса которого должна пострадать от этой войны, на которой бы стороне ни осталась победа, и пусть лучше отпадет у меня правая рука, чем напишу я хотя одно слово во вред итальянскому народу для выгоды кого бы то ни было, французского ли императора, сардинского ли короля или австрийского императора... Я боюсь, что общественное устройство в Сардинии едва ли сообразно с конституционным порядком. Огромное большинство народа находится в слишком большой зависимости от немногих богачей, в числе которых есть миланские аристократы. Кроме того, как вы знаете, в Сардинии есть сильная реакционная партия, вовсе не ограничивающаяся одним каким-нибудь сословием. Я встречал, кроме священников, также и фермеров, сельских старшин и других людей, принадлежащих к ней. Аргумент одного из них был так прост, что я повторяю его вам. *E troppo cara, la libertà*, сказал этот патриот: «слишком дорога она, свобода». Прежде он платил в казну только 150 франков, а теперь подати с него постепенно возвысились до 400 франков».

Многие, быть может, осудят нас за эти выписки. Но что же делать, если мы думаем, что в них высказана правда? Здесь не место подробно излагать наш взгляд на политику Кавура; скажем в двух словах, почему мы не питаем к нему энтузиазма, за недостаток которого иные осуждают нас. Нам кажется, что он дался в обман и скоро будет в том раскаиваться, если еще не раскался и теперь, как можно догадываться по некоторым признакам. Нам кажется, что для освобождения Италии было бы полезнее ждать обстоятельств не столь опасных, как нынешняя комбинация. Кроме того, нам кажется, что в ожидании войны с Австриею

не следовало бы обременять сардинский народ слишком высокими налогами для содержания слишком огромной армии, которая даром истощала государство в течение многих лет, — имея только готовые кадры, легко было при наступлении надобности организовать сильную армию в несколько месяцев, как, например, сделала Пруссия в 1813 году. Мы думаем, что Кавур заставлял до сих пор сардинский народ слишком дорого платить за нынешние подвиги, польза от которых для Италии еще очень сомнительна, и что, наконец, он дал обмануть себя, сделался теперь орудием в руках, которые отбросят его, когда извлекут из него себе пользу, далеко не соответствующую желаниям Кавура и итальянских патриотов. Некоторые подтверждения этому взгляду читатель найдет на следующих страницах, между прочим в рассказе о тосканских делах. Теперь мы обращаем внимание читателя только на факт, объясняющий, почему австрийцы были приняты сардинскими поселянами без негодования, так что могли выдвигать, будто бы сардинские поселяне сочувствуют им, угнетателям Италии. Итальянские землевладельцы при всем своем патриотизме забыли, как мы видим, позаботиться о том, чтобы облегчением повинностей примирить с собою поселян, живущих на их земле, граф Кавур тоже забыл, что для внушения массе населения привязанности к правительству мало прекрасных речей и верности патриотическим стремлениям образованных сословий: нужно также облегчить народ от лежащих на нем тягостей; а граф Кавур удвоил эти тяготы для содержания огромной армии в мирное время, когда еще не было в ней надобности. Впрочем, мы совершенно напрасно вдавались в этот эпизод об отношениях к народу политики, столь симпатичной благородным стремлениям всех образованных сословий: какое кому дело до того, лучше или хуже стало массе? У нас, образованных людей, потребности не те, как у грубой массы, озабоченной только добыванием для себя, а более для нас, материальных средств к жизни, и нашим потребностям стремление политики Кавура удовлетворяет прекрасно. Возвращаемся же к рассказу о войне.

Мы оставили союзников в то время, когда, отбив неприятеля у Палестро, они продолжали наступление к Тичино. На каждом шагу их изумление возрастало, потому что они находили самые выгодные для обороны позиции оставленными неприятелем без всякой попытки задержать на них наступающие колонны. Это впечатление очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'a, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о двух битвах при Палестро. Продолжаем пользоваться его рассказом:

«Новара, 4 июня (23 мая).»

«Это письмо придет к вам, когда вы по официальным реляциям, конечно, уже будете знать, каким непонятным образом действовали австрийцы. Они оставили Мортару без сопротивления, отступая по дороге к Павии, к Вид-

жевано и к броду при Аббiate-Грассо *. Французы перешли Тичино в двух местах — у Буффалоры, на шоссе отсюда в Милан, и у Турбиго. Не только не было сопротивления; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникам переправу. Это страннее всего, что мы видели до сих пор, потому что если отступление и скрывает какой-нибудь глубоко обдуманый план **, которого мы еще не можем разгадать, то едва ли можно себе вообразить план, который требовал бы облегчать наступление для неприятельской армии. Надобно прибавить, что обе эти переправы, шоссе к которым идет по болотам, представляют важные выгоды для обороны. Но что страннее всего, дав союзникам беспрепятственно пройти через оба эти дефиле, они вдруг показались вчера у Турбиго, милях в двух за рекою и около мили за каналом Naviglio Grande, образующим вторую линию обороны, почти столь же сильную. Тут произошла стычка, которую иные раздувают в целую битву ***, в которой будто бы очень сильно фигурировали турки ****; а между тем, по правдоподобнейшим рассказам, это была не более, как одна из тех стычек, которые происходят теперь каждый день, чуть не каждый час и в которых сотни три-четыре безвредных выстрелов обмениваются между стрелками с обеих сторон, да несколько ядер перебрасываются с одной стороны на другую. Реляция говорит о взятии семи пушек и нескольких сот пленных; но реляция в нынешней кампании у французов еще в сто раз хвастливее, чем были в Крыму. Достоверно одно: союзники утвердились за Тичино без битвы, достойной называться битвою, и укрепляются за рекою тверже и тверже с каждою минутою.

«Несмотря на то, что австрийцы отступают непостижимым образом, мы берем все предосторожности против внезапного нападения, и это необходимо, потому что австрийцы редко не бывают в виду у нас. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнурять войска, делающие большие переходы. Странно сказать, утомления в них вовсе нет, больных почти вовсе нет, и в жизнь свою я не видел армии, которая глядела бы такую здоровою. На всех этих усиленных маршах я, сколько помню, не видел ни одного усталого: каждый идет молодцом, чтобы не смеялись над ними товарищи. Дух в солдатах веселый, и каждый день сильнее разгорается в них охота померяться с неприятелем. Это одушевление не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами, — им одинаково одушевлены все войска, и я жду, что они изумят противника, когда столкнутся с ним.

«Когда же это будет? Вопрос становится проблематичнее с каждым днем. Неприятель не держался на Сезин, не принял битвы в Мортаре; теперь ясно, что он не хочет защищать и линию Тичино *****. На всех этих линиях австрийцы наделали полевых укреплений, и не в двух — в трех местах, а по-

* Виджевано лежит на дороге из Мортары в Милан, на сардинской стороне Тичино, Аббiate-Грассо — по той же дороге далее, уже в Ломбардии. На дороге из Мортары к Павии лежит Гарласко, где и была главная австрийская квартира.

** Читатель увидит, что потом этот план объясняется.

*** Почему этот австрийский отряд явился, только уже пропустив неприятеля беспрепятственно через обе крепкие линии обороны, мы знаем из донесения Гуляя. Войска тут были не те, которые отступали от Палестро и Мортары, а новый отряд, спешивший по железной дороге из Милана навстречу союзникам; он был силою в 7.000 человек. Он не успел встретить союзников раньше, в дефиле или на Naviglio Grande. Прекрасно; но что же делали войска, бывшие под Палестро еще 31 мая в числе 20.000? Кажется, они могли бы задержатъ неприятеля и, в течение трех дней, они могли бы получить подкрепления с юга. Но нет, они отступали без оглядки.

**** Повидимому, речь идет о туркосах. — *Ред.*

***** Действительно, он не защищал ее, а сразился, бог знает зачем, несколькими верстами далее, после того как выдал без боя врагу эту сильную линию обороны.

всюду, где только местность представляла для них выгоду. У обоих мостов через Тичино возведены укрепления. Все это не оставляет никакого сомнения, что они хотели крепко держаться в стране, которую заняли, и по необходимости приходишь к мысли, что какая-нибудь особенная причина заставила их изменить первоначальный план. Вы помните, при начале войны говорилось, что мысли Гиулая, командира австрийской армии в Италии, и Гесса, начальника главного штаба императора, неодинаковы. Гиулай думал действовать наступательно и перейти за Тичино; Гесс, говорят, хотел действовать чисто оборонительно. Принят был план Гиулая; но оказалось теперь, что он плох, потому очень может быть, что теперь стали следовать плану Гесса.

«Есть еще другое объяснение неожиданному отступлению. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную систему Гесса, то значительно содействовала ее принятию, состоит в блистательном движении, которым союзники в несколько дней совершенно обошли правое крыло австрийцев и принудили их отступать. Они заметили это движение только четыре дня тому назад * и едва имели время убраться. Кажется, только появление французов в Новаре было для них первым указанием другого плана: до той поры и не воображали, какой сюрприз им готовится. Приведем в доказательство один факт. Недалеко от Новары уланы захватили австрийского часового, тирольского стрелка, который, и не предполагая, что неприятель близко, положив в сторону ружье, спокойно занимался починкою своих штанов, которые снял для этого дела.

«Не знаю, не посылали ли австрийцы в передовую линию только свои худшие войска, но как бы то ни было, в сражениях, происходивших до сих пор, они не поддерживали репутации австрийской армии. При Монтебелло корпус, силу которого они сами считают в 20.000, был прогнан одною французскою дивизиею и несколькими эскадронами сардинцев. При Палестро во второй день были в деле, как известно, целые две дивизии, и они — с потерей 8 пушек и 1.000 пленных — были прогнаны одною сардинскою дивизиею Чальдини и полком зуавов. Эти факты могут объясняться лишь предположением, что или одни плохие войска были выставлены вперед, или дух австрийской армии не так высок, как уверяли ее защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производит на них сильное действие: один из пленных офицеров сам признавался, что стремительная атака в штыки без остановки для стрельбы, кошачья гибкость, с которою союзные солдаты переходят все затруднения и пробегают на батарею сквозь картечный град, совершенно расстроивают австрийских офицеров и солдат, так что солдат нельзя удерживать в порядке. Это очень правдоподобно, потому что из 8 пушек, взятых при Палестро, четыре взяты заряженными, — факт, говорящий сам за себя. Неудивительно, что австрийцы теряются от изумления при этой стремительности: они всегда воображали каким-то этикетом правильного боя стрелять, пока есть патроны; им кажется, что только варвары, не понимающие деликатности, могут с первого же раза прибегать к такому отчаянному способу неучтивого боя».

«Турбиго, 4 июня.

«Вот мы на ломбардской почве! Через одиннадцать долгих лет сардинская армия снова переходит этот Рубикон Италии, и Виктор-Эммануил — на дороге к Милану. Берега Тичино представляют в эту минуту одну из великолепнейших картин, какие только можно вообразить: армия движется по стране, как будто созданной быть самою эффектною обстановкою. От

* Действительно, по письмам другого корреспондента Times'a, находящегося в главной квартире австрийцев, мы знаем, что еще 31 мая там ожидали наступления главных французских сил прямо через По или по дороге от Вогеры на Страделлу на правый фланг австрийцев, где и были сосредоточены главные их силы, или на центр через Валенцу. Действительно, только появление французов в Новаре, 1 июня, вывело их из этого заблуждения.

Новары до деревни Галлиате* вы едете по пыльной дороге между роскошными хлебными полями, опоясанными монотонным и меланхолическим рядом ив, перерезанных рядами суровых и так же скучных тутовых деревьев; ивы и тутовые деревья посажены так тесно, что портят перспективу на Альпы и закрывают вас, так что видна вам только длинная линия солдат, фур и мулов, шагающих по прямой, пыльной дороге. Так вы добираетесь до деревни Галлиате, которая несколько вознаграждает вас за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую вас пылью. Вы бродите по извилистым улицам деревни с причудливыми итальянскими домами, из которых почти у каждого над широкою дверью со сводом нарисован покровительствующий ему святой. За деревню вы опять на монотонной дороге, попрежнему окруженной хлебными полями. Деревья тут гораздо реже, и Альпы открыты перед вами во всем своем величии. Но вам не время дивиться на гигантские горы, потому что все ваше внимание занято самой дорогой, по которой вам надобно лавировать с вашими лошадьми, охраняясь от упрямых мулов и скрипучих фур, с их сагеттеги**, которые еще упрямее и бестолковее животных, им подвластных. Правда, вы избавились бы от всей неприятной тесноты, своротив в сторону; но вам стыдно портиль поля, пощаженные самим неприятелем.

«Вам нетерпеливо хочется увидеть Тичино; вы поглядываете вперед, и сквозь зелень деревьев начинают проглядывать на горизонте колокольни. По мере приближения к реке их становится больше, вы различаете колокольни Турбиго, Бобекетты, Куджионе и Буффалора, встающие у подножия Альп; но все еще нет Тичино. Вдруг вся сцена переменяется. Хлебные поля, неотступно тянувшиеся по дороге, исчезают с обеих сторон, и вы находитесь среди высокого кустарника из дубовых и каштановых деревьев; ваше внимание отвлечено от дороги пестрою толпою французских и сардинских офицеров: они сошли с лошадей — едят, пьют, курят и отдыхают; маркитанты суетятся удовлетворить голодным желудкам, пересохшим горлам; поселяне, разинув рты от удивления, стоят и смотрят; шум увеличивается лошадьми, которых проводят под узды или спутывают. Двухэтажный дом налево с надписью «Dogana Sarda» (сардинская таможня) говорит вам, что вы достигли конца вашего пути, что вы на берегах Тичино. Но вы еще не видите его. Вы делаете несколько шагов, — и стоите на обрыве той возвышенной плоскости, которую до сих пор принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается перед вами. Во всей этой части течения Тичино с обеих сторон опоясан высокой плоскостью, которая по капризным изгибам этой капризнейшей из рек то подходит к берегу, то отступает от него, иногда подходя почти к самой воде, в других местах отдаляясь от реки более чем на милю. У *ronde di Turbigo*, где река разделяется на три рукава, один рукав течет у самого подножия террасы, спуск с которой так отвесен, что дорога должна делать большой изворот сперва направо, потом налево, чтобы дойти до каменного моста, ведущего через реку. Русло реки имеет здесь совершенно не такой вид, как в ее низовьях. Два маленькие рукава здесь разведены по каналам, болота заменяются роскошною массою молодых дубов и каштанов, которые в иных местах пересекаются хлебным полем, и его нежная зелень с желтоватым отливом рельефнее оттеняет густую зелень леса. На противоположной стороне третьего и главного рукава из-за деревьев, плотно покрывающих тот берег, выглядывает караульный дом. По постепенно возвышающейся местности леса тянутся до края горизонта, где смешиваются с зеленью Альп, великолепно окаймляющих картину. Среди массы зелени разбросаны деревни Турбиго, Бобекетта, Каджионе и Буффалора, стоящие почти в один ряд на террасе, опоясывающей Тичино с ломбардской стороны. Длинные караваны солдат всех родов оружия, артиллерии, понтонов, фур, телег, мулов,

* Верстах в трех к северу от главного миланского шоссе и верстах в пяти, не доходя Тичино.

** Возчики, погонщики мулов. — Ред.

«Соборных лошадей, — вти караваны, столь утомлявшие глаз на длинной прямой линии шоссе, здесь придают новую очаровательность картине, то скрываясь, то появляясь по извилинам дороги.

«Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслоняется другими чувствами и мыслями; армия перешла реку и утвердилась за ней, не встречая до сих пор сопротивления, о котором стоило бы упоминать. Вечером 2 июня первые французские войска показались на берегу Тичино, здесь, у Турбиго, и у Буффалорского моста. В Буффалоре широкий каменный мост был найден если не совершенно невредимым, то уцелевшим настолько, что возможно было некоторое сообщение через него. Австрийские инженеры, новидимому, торопились, так что не нашли досуга взорвать его; только некоторые из их мин действовали и сдвинули несколько камней. В Турбиго не было такой большой дороги, как у Буффалоры, и в два последние года существовал там только поплавной мост, — плашкоутный, существовавший прежде, был сорван рекою и после того не возобновлялся. На противном берегу стояли австрийские стрелки с несколькими пушками; но союзные стрелки и артиллерия скоро заставили их молчать; понтонная команда принялась наводить мост, и только изредка тревожил ее свист нескольких пуль, так плохо направленных, что ни один человек из понтонной команды не был ранен. Раз или два выезжали вперед австрийские уланы и тоже безвредно стреляли, пока один из них свалился с лошади от пули здешнего стрелка. Когда мосты были готовы (на другой день к вечеру), войска бросились через них и утвердились на другом берегу. Оттуда тотчас же стали подвигаться по дороге, которая ведет лесом к каналу *. На ломбардской стороне дорога от реки слегка поднимается до Турбиго, стоящего на краю террасы. Австрийцы, отступившие от реки без сопротивления, заняли позицию на этой террасе, защищаемой с фронта каналом. У них были пушки, обстреливавшие дорогу, и насыпаны были полевые укрепления. Таким образом, австрийцы стояли на одной из тех грозных позиций, которые дорого обходятся нападающему. Как в Палестро, дело было покончено сразу, стремительною атакою. Тюрки, алжирские туземцы, блистательно овладели позицією, захватив семь, по другому счету девять пушек. Австрийцы останавливали наших после того на маленьком кладбище по дороге в Бобекетту, в третий раз в этой деревне. С каждым разом сопротивление было слабее и вообще более походило на шутку. Союзники хотели не заниматься истреблением этого незначительного отряда, а скорее идти вперед по миланской дороге; потому бегущих преследовали не очень горячо; говорят, что взято в плен несколько сот человек. По рассказам поселая, австрийцы бежали в совершенном расстройстве, бросая ружья, ранцы, всё, что могло задерживать их на бегу. Я говорил с местными жителями; по их словам, австрийцев было до 6.000, и они пришли из Милана.

«Ныне утром французские аванпосты находились в Сан-Мартино против Буффалоры. У Буффалорского моста неприятеля не было, и вся окрестность при появлении союзников была погружена в мертвое молчание. Буффалора еще занята австрийцами, которым представляет превосходную позицию. Будут ли они защищаться на ней сильнее, чем здесь, это надобно еще видеть. Обманутые быстрым движением союзников с крайнего правого фланга от Вогеры на крайний левый фланг к Верчелли, они не успели поспеть к Турбиго и защищали его только несколькими тысячами солдат, пришедших из Милана. Если они будут противиться у Буффалоры, это будет значить, что они успели собрать тут несколько войск, наслаждавшихся деревенским воздухом на По и спавших в Мортаре».

«4 июня, вечером.

«Едва кончил я мое письмо к вам, как послышались пушечные выстрелы со стороны Буффалоры. С прибрежной террасы ясно виден дым каждой

* К тому каналу Naviglio Grande, который идет параллельно реке, верстах в двух от нее; о нем говорилось в первом письме.

пушки; но пробраться туда нет никакой возможности сквозь массы движущихся туда войск. До сих пор успел узнать я следующее: гвардейские зуавы и гренадеры, ушедшие вперед других войск по этому направлению, атаковали позицию при Буффалоре, занятую австрийцами в больших силах, иные говорят, до 40.000 человек. Несмотря на такое превосходство противников, французы, которых было четыре полка, всего от 6 до 7.000 человек, после упорного боя и сильной потери успели штурмом взять позицию, когда подошли к ним австрийцы. Сражение продолжалось до поздней ночи.

«Турбиго, 5 июня, 11 часов утра.

«Дело при Буффалоре было самым блистательным из всех в нынешнюю кампанию; оно имело размеры большого сражения*. План состоял в том, чтобы напасть на эту позицию, очень крепкую, не с одного фронта, но также с левого фланга, от Турбиго. В движении колонны, гвардей от Турбиго, произошло замедление, и результатом было, что когда гвардейские гренадеры и зуавы — всего только четыре полка — атаковали неприятеля, то оказалось, что они одни атакуют целую армию в позиции, сильной от природы и еще более усиленной полевыми укреплениями. Не оробев от этого, они все-таки шли вперед. Но у неприятеля было такое превосходство в числе, что, отражая атаку, он мог в то же время произвести наступление другими войсками и даже взять одну из нарезных пушек. Однако же, несмотря на все свои усилия, он, наконец, не мог устоять и был отеснен. В то время, как ему приходилось отступать, подошла и колонна с левого фланга.

«Я теперь еду на место сражения и пишу вам эти немногие строки, чтобы дополнить сведения об этой битве, находившиеся в моем вчерашнем письме».

На этом, самом любопытном месте останавливается корреспонденция, напечатанная в тех номерах Times'a, которые мы теперь имеем. Сравнив переведенный нами рассказ с теми реляциями и письмами о действиях союзников с 28 мая до 3 июня, которые можно находить в других газетах, читатель не осудит нас за то, что мы не хотим теперь и пользоваться ими для продолжения подробного очерка кампании с того места, на котором останавливаются письма корреспондента Times'a. Читатель, вероятно, одобрит нашу решимость лучше повременить месяц, чтобы продолжать изложение по превосходному, очень полному и совершенно дельному источнику, чем представлять публике во второй раз клочки той бестолковой декламации или реляционного хвастовства, которым можно пресыщаться во французских и немецких газетах и которое оставляет в голове только недоумение о том, как же в самом деле происходило дело, передаваемое с очевидной вздорностью и явными противоречиями в одном и том же источнике. Читатель, конечно, уже пробежал и реляцию Гиулая о сражении при Мадженте, и отчет об этой битве, составленный в главной французской квартире; пусть он сам скажет, много ли он понял из этих донесений, в которых техническая темнота служит составителям только к прикрытию ошибок с своей стороны и к монотонному восхвалению храбрости каждого отряда,

* Автор называет битву 4 июня сражением при Буффалоре, потому что у этой деревни началось оно; но теперь его называют битвою при Мадженте, потому что боем у этой деревни решена была победа.

каждой колонны, чуть не каждого обер-офицера. Так же сбивчивы и письма французских корреспондентов. Немецкие газеты, получаемые здесь, все наполнены нестерпимым чванством тупоумия. думающего, что можно обманывать Европу самохвальством даже после очищения всей восточной Ломбардии. Других немецких газет, более достоверных, мы не имеем в руках. Итак, вместо того, чтобы путать читателя натянутыми догадками о настоящем ходе дела, лучше отложим продолжение рассказа до следующего раза и представим здесь только самый краткий перечень фактов, начиная с 4 июня.

Сражение при Мадженте произошло, как видим из приведенного нами рассказа, оттого, что союзники слишком уже понадеялись на себя; да и трудно было удержаться от увлечения верностью своих комбинаций и презрением к противнику после бесполовости, обнаруженной австрийцами при наступлении союзников от Верцелли к Буффалоре. План генерального сражения был составлен, когда еще очень немногие из союзных корпусов успели придти на линию, с которой наступление могло идти беспрепятственно и сообразно с диспозицией. Как всегда бывает при слишком многосложных диспозициях, распределяющих движения на слишком далекое пространство, план битвы оказался неудобноисполнимым от множества непредвиденных препятствий. Из всех войск, назначенных к атаке, оказались в свое время на своем месте только четыре гвардейские полка, при которых находился и сам император французов. Потом сражение тянулось чуть ли не наудачу до той поры, пока Мак-Магон подоспел на помощь стесненным французам, пошедши не туда, куда предписывала идти расстроившаяся диспозиция, а на тот пункт, куда оказалось нужным явиться по его собственному верному соображению. В деле участвовала половина всей австрийской армии и несколько менее половины союзных войск: остальные корпуса союзников или не подоспели, или попали не в те места, куда следовало, а австрийцы еще не успели к 4 июня подвести к миланской дороге всех своих сил с юга. Надобно полагать, что союзники погрешили излишнею самоуверенностью и тем спасли австрийцев от полного поражения, которое ждало бы их, если б начало битвы было отложено союзниками на несколько часов, пока все корпуса ближе придвинутся к неприятелю. Но совершенно нелепо поступили австрийцы, остановив половину своих сил для генерального сражения в таком пункте, куда еще не могли придти другие корпуса их. Союзники одержали победу вовсе не блистательную в тактическом отношении, — австрийцы отступили в полном порядке, как видно из того, что потеряли только четыре пушки, сами успев отбить одну у победителей. Но стратегические и особенно нравственные последствия этой неполной победы были огромны: союзники удержали за собою миланскую дорогу, оставив неприятелю свободу движений

только в южной части восточной Ломбардии. Через два дня союзники были в Милане, который еще во время битвы сам освободил себя от австрийского гарнизона, слишком ослабленного посылкою подкреплений на поле сражения. Чтобы не быть отрезанными от своих крепостей на Минчио и Аддидже, австрийцы теперь поспешно отступают, бросая без защиты даже такие крепости в юго-восточной Ломбардии, как Павия и Пиаченца. С этой решительностью в первый раз является смысл в их действиях. И действительно, после сражения при Мадженте бездарный Гиулай, наконец, отставлен и теперь командует армиею Гесс, которого считают очень хорошим генералом. Что успеет он сделать, мы увидим, а теперь он, по крайней мере, спас армию от истребления, которое грозило бы ей, если б она дала себя отрезать от Мантуи. Опасность эта была, повидимому, близка: так надобно думать, судя по тому, что 8 июня корпус Бараге д'Илье уже атаковал австрийцев при Мариньяно с явным намерением отбить их к югу от мантуанской дороги. Он взял эту позицию; но австрийцы были уже дальше на восток и, кажется, достигнут своего знаменитого четырехугольника на юго-востоке Гардского озера. До той поры, пока австрийцы станут за линиею Минчио, а союзники соберутся выбивать с нее неприятеля, все следующие военные действия не будут иметь почти никакого существенного интереса, хотя могут иметь эффектные эпизоды, если австрийцы вздумают без пользы и без толка давать еще какое-нибудь большое сражение, не доходя до Минчио. Прогнанием австрийцев с Тичино судьба всей Ломбардии решена: далее до самой Мантуи нет таких позиций, в которых была бы вероятность удержаться им. Итак, с интересом неизвестности надобно ждать теперь только уж того времени, когда начнется борьба на Минчио; сущность всей части кампании до этой минуты вперед известна: с битвами или без битв, австрийцы остановятся в своем отступлении не прежде, как у Мантуи.

Как ни громка победа при Мадженте, как ни увлекательно подействовало на массу публики занятие Милана союзниками, но гораздо с большею любовью останавливаемся мы на удивительных подвигах волонтеров Гарибальди в северной Ломбардии, и, если бы мы могли, эту часть военных событий мы изложили бы с наибольшею подробностью, и тут не было бы того холодного недоверия к людям и намерениям, за которое осуждают более нас счастливые способностью видеть белым черное или, по крайней мере, довольно запачкавшееся от слишком охотного прикосновения к смоле. Мы считаем действия волонтеров Гарибальди заслуживающими самого точного изучения не по одному только уважению к этим истинно благородным людям, жертвующим собою не из видов честолюбия, не по личным расчетам, действительно по искреннему желанию освобождения отечеству, а не чего-нибудь другого, — нет, их судьба приковывает к себе наше

заботливое внимание и потому, что собственно только их сила могла бы служить неизменною опорою для независимости Италии⁵. С той самой поры, как австрийцы дали французам время придти на помощь сардинцам, было ясно, что австрийцам нечего ожидать в Италии, кроме поражений. Вопрос давно уже не в том, удастся ли союзникам выгнать австрийцев из Италии, если они захотят; вопрос только в том, захотят ли этого французы или удовольствуются блеском побед и заключат с противниками мир столь же безубыточный для них, как парижский мир; а если и вовсе не позволят австрийцам владеть ни одним футом земли в Италии, то захотят ли оставить ей независимость или найдут удобнейшим иначе распорядиться ее судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тот видит, что одна только сила войск, подвластных единственно этому принципу национальной независимости, может представляться ручательством за нее. До сих пор чистыми представителями этой идеи в военных силах можно с достоверностью считать только волонтеров, и потому-то интереснее всего теперь вопрос о влиянии, какое могут приобрести они себе на решение дела своею числительностью, военными качествами и степенью участия в изгнании австрийцев. История отряда Гарибальди составляет не только самую чистую, но и самую важную для сущности дела часть похода. К сожалению, до сих пор мы ничего не знаем об отряде Гарибальди, кроме того, что он дрался геройски, что он, к несчастью, слишком еще малочислен и не может еще иметь большого веса в совещаниях союзников, наконец, что есть ясные признаки взаимного нерасположения между союзниками и Гарибальди. Слухов о действиях Гарибальди носилось много, но почти все они были очень сбивчивы и все до сих пор лишены подробностей. Сообщим хотя то немногое, что теперь известно.

Гарибальди двинулся в северо-западную гористую часть Ломбардии, пограничную с Швейцарией, еще в те дни, когда Чальдини только что перешел Сезию, за целую неделю до начала наступления со стороны союзников. Он имел от 4.000 до 5.000 волонтеров, которых выбирал сам из нескольких десятков тысяч, так что люди у него были на подбор, крепкого сложения, способные переносить все лишения и делать изумительные переходы по трудным, гористым дорогам. В той части Ломбардии, куда вступал он (Вальтеллине), население отличается если не особенною ненавистью к австрийцам, — в этом отличиться перед другими ломбардцами было бы трудно, — то особенною воинственностью, которая объясняется и соседством свободной Швейцарии, и гористым местоположением. В 1848 году они продолжали упорно бороться против австрийцев, когда вся остальная Ломбардия была уже покорена и всякая надежда на успех сопротивления и на сардинскую помощь исчезла. Еще в начале кампании, как только австрийцы увели свои главные силы в Сардинию и когда

еще не было никакой надежды на скорое появление союзников в Ломбардии, город Комо * восстал против австрийцев. Разумеется, восстание было тотчас же усмирено прибытием сильного австрийского войска и наказано наложением огромной контрибуции. Этот удивительный пример отважного самопожертвования показывает, что в желании присоединиться к Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имели оружия, которое было строжайшим образом отобрано австрийцами в 1848 году; то, которое успели они спрятать в земле, уже стало негодным от ржавчины. Союзникам было это хорошо известно. Почему же у Гарибальди не было запасов оружия для раздачи жителям? Ломбардцам не посылали того, что всего необходимее было для успеха начинаемого ими дела. Еще изумительнее та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы иметь ему хотя маленький отряд кавалерии, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзников есть такие легкие орудия, что два человека могут переносить их на руках по местам, недоступным для лошадей. Отряд в 5.000 человек, не имеющий ни одной пушки, — это дело ни с чем несообразное.

Как объяснить такую беспечность союзников о Гарибальди, о его волонтерах, о жителях Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацию, которую Гарибальди издал при вступлении своем в Ломбардию:

«Ломбардцы, вы призываетесь к новой жизни и должны отвечать на призыв, как отвечали ваши отцы у Понсиды и у Леньяно⁶. Враг все тот же: свирепый, безжалостный, убийца и грабитель. Ваши братья во всех провинциях поклялись победить или умереть с вами. Мы должны отмстить за притеснения, оскорбления, порабощение двадцати поколений, мы должны оставить нашим детям наследие, чистое от оскверняющего господства иноземных солдат. Виктор-Эммануил, которого национальная воля избрала нашим верховным вождем, посылает меня к вам организовать вас на патриотические битвы. Я умиляюсь сердцем от святой обязанности, мне вверенной, и горжусь тем, что буду предводительствовать вами.

«К оружию же! Конец порабощению! Кто может держать в руках ружье и не возьмется за него, тот — изменник!

«Дети Италии, соединившись и освободившись от иноземного владычества, сумеют возратить ей место между народами, назначенное ей провидением».

Гарибальди не ободряет ломбардцев указанием на великодушную помощь императора французов, а говорит только о Викторе-Эммануиле и сардинцах; о французах нет у него ни слова. Естественно, что французы не очень заботились о поддержании генерала, своим молчанием слишком ясно определяющего свой взгляд на их роль в Италии. Есть положительные известия о взаимном нерасположении итальянских волонтеров и французского военного начальства. Надобно прибавить, что когда Гари-

* Лежащий верстах в 35 по прямому направлению от сардинской границы, на самой границе Швейцарии.

бальди двинулся в Ломбардию, было объявлено, что вслед за ним двинется сильный корпус союзных войск для поддержки восстания. Но это условие не исполнилось, и до последней минуты Гарибальди был предоставлен собственным своим силам, хотя невозможно было и ожидать, чтобы он не погиб, имея против себя в тех местах более 25.000 австрийцев, к которым шел еще корпус Клам Галласа, состоявший из 40.000 человек. Положим, что корпус Ниэля, который обещали послать в Вальтеллине, оказался нужен для действий по миланской дороге; но все-таки, кажется, можно было бы из 200 или 250 тысяч союзных войск отделить несколько тысяч для поддержания столь важного дела, как экспедиция Гарибальди, не ослабляя армии, действовавшей на Сезии. Соображая все это, трудно удержаться от заключения, что гибель Гарибальди не слишком огорчила бы главную квартиру французской армии.

Впрочем, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которым Гарибальди не получил артиллерии, не получил оружия для раздачи жителям и оставлен был без всякой поддержки среди врагов, в пять раз и потом в десять раз превосходивших его числом, он против всякого ожидания нашел в Ломбардии не гибель, а блистательные успехи. 22(10) мая он вступил в Ломбардию через Арону (на южном конце Лаго-Маджиоре) и двинулся на Варезе, ближайший ломбардский город верстах в двадцати по прямому направлению от сардинской границы. На дороге он разбил австрийцев и 23-го числа занял Варезе. Через несколько часов приблизился к городу австрийский корпус в 5.000 человек с артиллерией, которой не было у Гарибальди. Укрепив город баррикадами, он оставил в нем несколько сот человек своих волонтеров, жители вооружились, как могли, а сам Гарибальди с главными силами ушел из города. Австрийцы подступили к Варезе, но в эту минуту Гарибальди напал на них с такой стороны, откуда они никак не могли его ожидать, разбил и рассеял их, и овладел всеми пятью пушками, которые были у неприятеля. Быстро двинулся он потом на восток, в Комо (на юго-западном конце озера Комо, верстах в двадцати от Варезе), по дороге также бил австрийцев, занял Комо, двинулся далее на восток. Между тем австрийцы стягивали в ту сторону свои войска, оставшиеся в Ломбардии; из армии, стоявшей в Сардинии, был послан свирепый Урбан, славившийся между австрийцами искусством в партизанской войне, с отрядом отборных австрийских головорезов. Гибель Гарибальди казалась неизбежна, и несколько раз разносились слухи, что он окружен со всех сторон, отгеснен то к швейцарским, то к тирольским границам. Какими маршами и победами успевал он уходить от австрийцев или отбрасывать их, все это до сих пор еще неизвестно хорошенько, потому что известия слишком отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди делали изумительные пере-

ходы, имели иногда по три стычки в один день и повсюду били австрийцев, гонявшихся за ними. Тяжелее всего должны были пройти для них те дни, когда огромный корпус Клам-Галласа, шедший на подкрепление Гиулаю, находился в тех местах. Это было в последних числах мая. Все походы и победы Гарибальди теперь остаются еще не рассказанными с достоверностью в газетных известиях. Известно только, что постепенно поднял он всю северо-западную часть Ломбардин и что результатом всех маршей и сшибок оказалось, 4 июня (23 мая), в день битвы при Мадженте, совершенное торжество волонтеров: войска Урбана, разбитые и рассеянные, поспешно отступали в этот день на юг, а Гарибальди, преследуя их, занимал уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили в Милан, далеко в тылу Милана, на железной дороге из Милана к австрийским крепостям. Этот результат показывает, какой оборот приняла бы война, если бы Гарибальди не был оставлен союзниками решительно без всякой помощи. Имей он войска несколько больше, он отрезал бы австрийцам отступление к Мантуе и Вероне, и вся австрийская армия, бывшая в Сардинии, отброшена была бы на юг и была бы взята в плен. Но Гарибальди не хотели давать подкрепления, и потому он мог только показать, что в состоянии сделать итальянские волонтеры при самых неблагоприятных обстоятельствах.

За недостатком связных известий о подвигах Гарибальди, по крайней мере, переведем из *Indépendance Belge* письмо одного француза, жителя Комо, о тех сценах, которые удалось ему видеть. Если из него не получим мы никакого понятия об общем ходе дел, то, по крайней мере, дает оно оживленную картину одного из тех моментов, которыми был наполнен этот блистательнейший эпизод нынешней кампании, и несколько обрисовывает впечатление, производимое Гарибальди на своих и на врагов.

«Комо, 30 (18) мая.

«Милый брат!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; спешу успокоить тебя, сказать, что все мы живы и целы. Но какие испытания мы пережили! События сменялись в нашем бедном городе с поражающею быстротою.

Я писал тебе, с каким восторгом энтузиазма было принято здесь объявление войны Австрии. Мы, здешние французы, составляющие маленький комитет, отпраздновали его достойным образом, так что полиция пронюхала, и около двух недель мы не могли собираться. Мы жили в постоянном стеснении, едва осмеливались спрашивать друг у друга о действиях нашей армии. По одному номеру парижской газеты, ускользнувшей от взгляда таможенных, мы знали, что 200.000 наших защищают Пьемонт от вторжения Гиулая, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало сильно возбуждаться, когда наш гарнизон, часто сменяющийся, стал беспрестанно выходить из города и возвращаться назад, иногда с добычею и ранеными.

«Дело отчасти объяснилось именем Гарибальди, которое шопотом пронесли австрийские офицеры, говоря между собою. Австрийцы ходили искать его; он сильно беспокоил их. На солдат одно его имя наводило суеверный ужас: говорили, что его не берет никакое оружие, говорили даже, что пули сплюсциваются, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назад австрийский отряд вышел утром, вероятно, для рекогносцировки; к восьми часам солдаты воротились, тяжело дыша от изнурения, покрытые пылью, убитые духом, многие из них побросали оружие. Они кричали: «запирайте ворота!» Ворота заперли. Отсталые солдаты теснились на подъемном мосту, с воплями ужаса. Им не отперли ворот. Они бросались на колена, ползали по земле; запершиеся остались неумолчны.

«В один миг весь гарнизон построился в ряды; в десять часов от Вольтской площади пошел за город. Дошедши до форта, генерал передумал и послал только патруль. С мучительною тревогою ожидали его возвращения. Он воротился уже к вечеру, не видев ничего, кроме ранцев и ружей, побросанных бежавшими австрийцами.

«Тревога была поднята цепью застрельщиков; им показалось, будто они заметили неприятеля в засаде. Они торопливо отступили к своей колонне, стреляя из ружей. Панический страх овладел солдатами, и они неудержимо побежали назад в город.

«Генерал в тот же день отдал под военный суд несчастного поручика, командовавшего отрядом. Его ночью расстреляли во рву. Но уверяют, что он действовал хорошо.

«Можешь вообразить, в каком беспокойстве был весь народ. Поутру, после небольшой манифестации, явились на стенах афиши. Они призывали ломбардцев к оружию, обещая, что Гарибальди не замедлит прийти к ним на помощь. Полиция разорвала эги прокламации и стала производить домовые обыски; они продолжались трие суток. Я успел спрятать свои пистолеты и охотничье ружье, спрятать и женевскую газету, которую получал через контрабанду. Но эти предосторожности только увеличивали общее волнение. Епископ уехал из города; многие жители также.

«Если б не мои торговые дела, признаюсь, я тоже уехал бы. Но бросить фирму значило бы потерять все состояние.

«Я тебе говорил, что у нас, французов, был устроен клуб. В 11 часов вечера мы собирались поочередно друг у друга, отделениями человек по 10, чтобы не возбуждать подозрений. Карбонари из Варезе сделали нам тайные приглашения. Они предлагали нам присоединиться к обществу *Ciasomì*, ветви которого идут до самого Милана. Я настаивал, чтобы принять приглашение. Комитет отказался, боясь шпионов, отчасти и потому, что многие из *Ciasomì* нашего города ему не нравятся.

«Через агента варезских карбонари мы узнали, что Гарибальди думает вторгнуться в нашу провинцию; мы сильно ободряли его передать смелому генералу точные сведения об австрийских силах; у нас эти сведения были из верных источников. Он отправился, взяв их, и потом я узнал, что этому извещению мы были обязаны своим освобождением. Гарибальди не потерял времени

«В четверг (26—14 мая) мы были задолго до рассвета пробуждены ужасным шумом. Солдаты ходили по улицам, переключаясь; звенел рожок, барабаны били тревогу, артиллерия скакала по улицам, всадники носились в галоп. В одних домах закрывались ставнями, в других отворяли двери, в третьих жители бросились в погреба, приготавливая там себе убежище. Потом повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчание господствовало в городе. Проснувшись, мы увидели на каждом перекрестке часового; курки у их ружей были взведены. Мой приказчик вышел отворить магазин — часовой прицелился в него с ругательством. Бедняга воротился домой, дрожа всем телом, и упал на стул. Я успокоил его. Он воображал себя уже убитым. С трудом допытался у него, что с ним такое.

«Когда он объяснил мне, в чем дело, я вооружился бутылкою водки и отправился парламентарем к австрийцу. Он подпустил меня, услышав, какое приношение назначено ему. По-немецки я знаю плохо, но при помощи выразительных знаков часового понял, зачем он тут поставлен.

«Жителям запрещается открывать окна и двери и выходить из домов, — в того, кто ослушается, велено стрелять.

«Приказ был формальный. Через несколько времени его обнародовали. Кроме этого, я мог узнать от своего австрийца только то, что его товарищи пошли атаковать Гарибальди в Варезе.

«Накануне был слух, что австрийцы разбиты. Я не знал, что думать. Мы с женою провели день в большой тревоге.

«Вечером в Плинские ворота прискакал адъютант, взял на почтовом дворе свежую лошадь и, выпив стакан французского вина, поскакал в Камерлату, мимо наших окон. Запрещение выпускать жителей из домов было несколько ослаблено. В 11 часов громкая военная музыка вывела жителей из их оцепенения. Перед нашими глазами прошла целая бригада с кавалериею и амуниционными ящиками. Она пошла на Варезе.

«Солнце начало выходить, как послышалась страшная канонада со стороны Варезе. Каждый выстрел мучительно отзывался в груди нашей. Около десяти часов пришли рысью более сорока мулов, — они везли раненых. Беспокойная рысь увеличивала страдания раненых, с каждым шагом у них вырывался мучительный стон. Такая необыкновенная поспешность их перевозки показалась мне признаком поражения. Действительно, мулы с ранеными прошли по длинной улице, не останавливаясь у лазарета. Раненых увозили в главную квартиру.

«В половине первого часа в окрестностях показались бегущие солдаты. Они прятались. Пушечные выстрелы раздавались уже только изредка; но ружейный огонь был очень силен, судя по непрерывным отголоскам отдаленных выстрелов.

«Около трех часов выстрелы приблизились. Эскадрон гусар в беспорядке прискакал на Piazza Nuova; он пытался снова построиться; две или три лошади взбесились. Замешательство увеличилось. Одна из лошадей, с боками, окровавленными от шпор, бросилась стремглав по Миланской улице, другие понеслись за нею; эскадрон рассеялся весь. Не прошло четверти часа, как стали входить через Варезское предместье 2.000 человек, покрытых пылью, потом, кровью, почерневших от порохового дыма. Они возвращались от Борго-Вико. Хотели привести их в порядок. Но голос начальников был бессилен, новые беглецы врывались в эту толпу, и вся смешанная масса валила в Камерлату.

«Едва миновал этот поток людей, оставляя за собою раненых, ранцы, оружие, как большой колокол кафедральной церкви зазвучал набатным звоном, — одна за другою стали звонить все колокольни страшным призывом, глухие и медленные звуки которого говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!»

«Если б ты видел, милый брат, как немой город оживился, будто в судорожном пароксизме, при знакомых звуках! Не видел, нельзя понимать этих чудес!

«Будто волшебством появлялось оружие из лотаенных ящиков, будто из земли возникали люди, разливались по улицам, и через час 10.000 поселян бросались навстречу Гарибальди. Он проскакал галопом через город. Я не мог увидеть его в этот раз, но я с удивлением смотрел на людей, следовавших за ним, на этих черных демонов, с тяжелыми карабинами, прыгающими у них за плечами. Они бежали с быстротою, которой нельзя было бы ожидать от людей, столь утомленных, после шестичасового сражения.

«Бой возобновился у станции Миланской железной дороги.

«Тут выстрелов почти не было, и работа покончилась быстро. Австрийцы побежали. В 6 часов генерал торжественно вступал обратно в город с 5.000 своих героев. Какое зрелище!

«Отбитые у неприятеля пушки были убраны цветами. Раненых мы разобрали по домам и стали ухаживать за ними, как за родными детьми. У нас с тещею также есть раненый: поверь, он не пожалуется на нас.

«Я видел Гарибальди только мельком. Он высокого роста, широк в плечах, у него львиная голова на атлетическом стане. Его длинная черная борода,

всклоченная, нерасчесанная; его блестящие глаза, сверкающие молнию; его черная войлочная шляпа с развевающимися черными перьями; его красный плащ, завязанный на шее, — все это производит необыкновенное впечатление. Все уверяют, что он человек очень деликатный, очень любезный с женщинами, очень строгий к своим волонтерам, еще более строгий к самому себе, до чрезвычайности умеренный в образе жизни, экзальтированный и холодный в одно и то же время. Своей маленькой армии он внушает безграничное доверие, с которым равняется только ужас, внушаемый им неприятелю. Он всегда первый в битве, он скачет на своем коне в ряды неприятельских батальонов, прыгает с него, чтобы взять ружье пехотинца, дерется в рукопашном бою, как простой солдат, постоянно подавая пример самой редкой храбрости и самого изумительного хладнокровия.

«Рассказывают, что, ведя своих солдат в битву, он говорит им:

«Дети мои, вас один против пятерых. Перед вами смерть; за вами ружья товарищей, которые убьют, как собаку, первого, кто отступит. У нас нет пушек; надобно взять их. Пусть нас убьют, не в смерти дело, а надобно, чтобы Италия была свободна: вот ваша единственная награда!»

«Его 6.000 человек, выбранных из 30.000 волонтеров, которых представляла ему Италия, таковы, что он может делать с ними чудеса.

«Этот человек, столь похожий на атамана разбойников, будет великим полководцем, если австрийская пуля не остановит его на дороге.

«Вечером этого радостного дня мы все иллюминировали свои дома. В городе был праздник: какая радость, какое веселье! Мы угощаем этих храбров, как родных.

«Они уже уходят от нас. Но Комо свободен, в нем уже нет австрийцев. В шесть лет, как я покинул Францию, я не испытывал подобной радости».

Еще недавно только одни маццинисты в Италии сомневались в том, что война имеет своею целью совершенное освобождение Италии от всякого чужеземного владычества. Маццини писал еще при самом начале похода:

«Италия жаждет национального единства. Цель Луи-Наполеона не может быть такова. Кроме Ниццы и Савойи, уже уступленных ему Пьемонтом в уплату за союз, он ищет также иметь случай к тому, чтобы воздвигнуть престол в Южной Италии для Мюрата и престол в Центральной Италии для своего двоюродного брата, принца Наполеона. Рим и часть римских областей должны остаться под светскою властью папы. Италия будет разделена на четыре государства. Два из них прямо будут находиться под управлением чужезмцев; косвенным образом Франция будет господствовать над всею Италией, потому что папа с 1849 года стал подвластен Франции, а сардинский король, по узам благодарности и по слабости сил, станет французским вассалом».

Но тогда очень немногие помнили о своих прежних опасениях: при объявлении войны австрийцам восторг овладел всеми итальянцами, воцарились самые радостные ожидания повсюду, от Венеции до Неаполя. Мы знаем, как они были приведены к разумному порядку в Риме генералом Гойоном; многие обстоятельства, относящиеся к Гарибальди, заставляют думать, что возникновение итальянской силы, независимой от союзников, встречает препятствия и в Северной Италии. Но любопытнее всего в этом отношении ход дел в Тоскане. Мы знаем, что тотчас после переворота тосканцы просили сардинского короля принять на время

войны диктаторскую власть над их страной, но что он отказался от этого, согласившись только назначить от себя командира для тосканских войск. Он выбрал генерала Уллоа, неаполитанца, отличившегося при защите Венеции в 1848 году; войска рвались нетерпением идти против австрийцев — их оставляли в праздности, и дисциплина упала от бездействия и недовольства, так что, наконец, в разных отрядах обнаружались попытки неповиновения. Прибытие французских войск восстановило дисциплину; но вместе с войсками прибыл в Тоскану принц Наполеон, и его появление пробудило живейшее опасение в тосканцах, еще до начала войны слышавших, что ему предназначается получить владение в Центральной Италии, которое предполагается составить из Тосканы и легатств. Он издал прокламацию, служившую косвенным ответом на опасения жителей, уверял в ней, что приехал в Тоскану единственно для ведения войны; но прежнее беспокойство продолжалось и нашло себе новую пищу во множестве странных обстоятельств. Чтобы читатель не приписал нам желания представлять вещи в темном свете, мы не будем сами рассказывать фактов, а только переведем одно из писем флорентинского корреспондента «Times'a».

«Флоренция, 30 (18) мая.

«Дела в Тоскане имеют зловещий вид, возбуждающий тревожные опасения во всех мыслящих людях. Тут, очевидно, действуют какие-то таинственные интриги. Вчера было освящение знамен тосканской армии. Энтузиазм вновь оживлял всех, горящих желанием присоединиться к сардинцам, — энтузиазм, который и был главною причиною тосканской революции. Предполагали, что освящение знамен будет последним возможным предлогом удерживать солдат в праздности и что немедленно после церемонии все они вместе с новоприбывшими французами пойдут на Пистуюю через Аппенины или по какому-нибудь другому направлению для содействия французско-итальянской армии. Но теперь нам холодно говорят, что пока еще не предполагается никуда двигать тосканских войск, что едва ли будет двинут хотя один солдат до 30 июня, так что мы имеем в виду месяц полного бездействия французско-итальянских сил, простирающихся, по крайней мере, до 45.000 человек.

«С 21 апреля до сих пор, до 30 мая, тосканские войска оставались здесь неподвижно, хотя каждый человек в целой Тоскане и в целой Италии желал, чтобы они пошли против австрийцев; предлогом было то, что их надобно организовать, что надобно принять в их ряды волонтеров. Но организация до сих пор привела только к дезорганизации. Целый месяц бездействия, отсутствие дисциплины деморализовали тосканских солдат до такой степени, что теперь они стали пригоднее буйствовать, чем сражаться. И я уже писал вам, что они сделались бы источником больших тревог и опасностей для родины, если б не прибыли французы. Теперь мы опять слышим, что они остаются здесь и «организуются». Еще месяц и бог знает сколько следующих месяцев Тоскана не будет участвовать в национальной войне.

«Шопотом говорят здесь, в чем ключ к этой тайне. Император, желая избавиться от своего кузена, принца Наполеона, потерпев неудачу в намерении дать ему занятие в Алжире, предназначил ему престол в Италии; и если не представится ничего лучшего, то ему будет дано великое герцогство Тосканское или королевство Этрурийское или королевство Центральной Италии. Отсюда образование отдельного французского корпуса под его коман-

дою, отсюда прокламации, уверяющие, что император не имеет никаких честолюбивых планов в Италии для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство или, по крайней мере, граф Кавур должны были участвовать в этих проектах, и потому-то отказ Виктора-Эммануила от диктаторства, предлагавшегося ему Тосканою, поразил ужасом всех итальянских патриотов, заставил всех думать, что не без причины делается такое отступление от всех условленных между итальянцами планов, — отступление, еще резче выставляющееся совершенно другим образом действий сардинского правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардии. Мыслящие люди полагают, что все эти провинции будут соединены в королевство Северной Италии, а Тоскана оставляется в стороне, чтобы стать уделом французского принца. Но скоро обнаружилось в действиях сардинского правительства что-то похожее на желание воротиться назад. Оно отказалось от диктаторства, предлагавшегося сардинскому королю, и дало Тоскане совет самой управлять своими делами, но вдруг двумя неделями после этого, т. е. двумя неделями слишком позднее, оно извещает тосканцев, что король принимает протекторство и приглашает временное правительство передать верховную власть в руки сардинского комиссара Буонкомпаньи.

«Но он не произвел никакой перемены в делах: Буонкомпаньи — человек, не способный к энергическим мерам. Вместе с министрами, членами академии изящной словесности, он занимается прежними идилиями о великогерцогских оранжереях, гуманных кодексах и муниципальном устройстве, — делах прежних, но совершенно несвоевременных, не обращая никакого внимания на настоятельные потребности страны и на единственное дело, которым должна была бы заниматься Тоскана, на национальную войну, так что Тоскана и при сардинском комиссаре, как до него, остается совершенно без управления. Тоскана имела и солдат, и деньги для национальной армии, но один месяц такого пустого управления довел войско до деморализации и буйства, а государственные финансы расстроил так, что теперь понадобился заем в 30.000.000 лир, когда 27 апреля нашли в государственной кассе 18.000.000 наличными деньгами.

«Сардинскому правительству не удалось поправить своего прежнего отказа, потому что выбор его упал на неспособного человека; но очевидно, что оно старается возратить потерянное влияние на Тоскану. Недавно сюда был прислан секретарь графа Кавура, Константино Нигра; он из числа двух или трех людей, которым граф Кавур вверяет свои тайны, которых считает способными исполнить глубоко обдуманые планы. Меня уверяют, что Нигра приезжал сюда действовать против принца Наполеона; он входил в тесные сношения с людьми, имеющими влияние на тосканцев, и всячески старался оживить партию итальянского единства, господствовавшую в Тоскане 27 апреля. Но он приехал слишком поздно. Дух сепаратизма развился здесь; сам Кавур произвел его, когда посоветовал своему королю отказаться от диктатуры. Правда, есть в Тоскане национальная партия, желающая единства Италии, и большинство молодежи всех сословий принадлежит к ней; но эта партия теперь упала духом и подавлена.

«Единственная серьезно-важная сторона во всем этом, — тот факт, на который обращаю я ваше внимание и к которому подводил речь, быть может, слишком длинно, — тот факт, что император Наполеон и граф Кавур уже не имеют единодушия, по крайней мере, по отношению к тосканским делам. Я не говорю, чтобы граф Кавур считал возможным или полезным прекратить самостоятельное существование Тосканского государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было, династия Бонапарте или какая другая династия будет царствовать в Тоскане, если Тоскана не сольется в одно государство с остальною Италиею. Все эти вопросы о будущем устройстве Италии — такие задачи, разрешение которых очень трудно и должно быть в значительной степени предоставлено случаю и непреодолимому ходу событий. Существенное желание Кавура и его партии в том, чтобы исполнилось обещание, данное им императором: «под скипетр савойского дома будет соединено королевство с 12.000.000 населения». Если в вознаграждение за

такую важную услугу Франция захочет посадить принцев из дома Бонапарте на престолы Центральной и Южной Италии, граф Кавур не имеет ничего сказать против этого, потому что северное королевство кажется ему достаточно сильным для обеспечения независимости всего полуострова. Но граф Кавур и его друзья недовольны, — во-первых, неосторожною торопливостью, с которою принц Наполеон идет к своей цели, обнаруживая политику, от которой громко отказывались главные лица союза, преждевременно возбуждая подозрение и неудовольствие европейских государств; во-вторых, недовольны они тем, что, думая только о достижении своей цели, он обрек на бездействие тосканскую армию. Итальянцы более всего боятся, и справедливо боятся, чтобы участие их в войне не было заслонено громадными французскими силами, приглашенными на помощь. Каждый итальянец, которого выведут они в поле, служит лишним аргументом в защиту их требования стать независимым народом. Им очень тяжело уже то, что пьемонтская армия раздробляется на бригады и дивизии, из которых каждая действует вместе с целым французским корпусом, и не дано ей действовать самостоятельно, всей вместе, на одном пункте. Еще тяжелее для них, что они лишены помощи 18 или 20.000 регулярного хорошо обученного тосканского войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будет считаться только частью пятого корпуса французской армии. Очевидно, граф Кавур сам навлек на себя это горе своим слишком скорым согласием на планы императора французов в пользу принца Наполеона; но не менее справедливо и то, что сардинский король, даже и отказываясь от диктаторства, принял на себя командование всеми тосканскими войсками; и хотя нерассудительно было воображать, что страна, находящаяся в революционном состоянии, может иметь военное правительство, различное от гражданского правительства; хотя Кавур был очень несчастлив в выборе командиром тосканских войск Уллоа, боевого генерала, а не администратора, и своего комиссара Буонкомпаньи, человека, умеющего говорить и писать, но не действовать; но должно сказать, что утрата тосканских войск для итальянского дела не входила в программу, о которой условливались граф Кавур и император французов, и служит одним из предметов неудовольствия между ними.

«Как бы ни было, а пока граф Кавур и национальная партия побеждены здесь. Константино Нигра уехал из Тосканы без всякого успеха. Буонкомпаньи жалуется на резкость манер принца Наполеона. Генерал Уллоа ждет удаления от команды. Между тем вчера я видел среди тысячи знамен итальянского трехцветного знамени с императорским орлом посредине. Оно было мастерской отделки, его поднимали, чтобы оно развевалось выше, — и поднимали не без намерения».

Мы не утверждаем, чтобы бездействие тосканских войск производимо было именно только влиянием принца Наполеона, которому исключительно приписывает его автор письма; читатель видел, что из всего сказанного и переведенного нами выше открывается этому другая причина, более сильная: вообще нежелание французской политики пользоваться чисто народными силами для побед над австрийцами; желание по возможности не допускать никаких перемен в прежнем порядке дел, кроме тех изменений, которые могут быть нужны для личных целей.

Если бы эта статья не была так длинна, мы могли бы найти новое подтверждение такому взгляду в отношениях Франции к Неаполю, где 21 (9) мая умер Фердинанд II и вступил на престол его сын, Франциск II, с которым Франция примирилась, не потребовав от него никаких изменений во внутренней политике, хотя неаполитанский порядок дел если и отличался чем от

австрийского порядка в Ломбардии, то разве только к худшему. Но мы сами сказали, что в Неаполе с новым царствованием не произошло пока никаких перемен, стало быть, и ничего особенного важного, ничего такого, о чем не было бы удобно отложить речь до будущего времени. В нынешнем месяце все внимание Европы до того было поглощено войною, что было бы даже несвоевременно требовать от читателя терпения слушать подробные рассказы о других делах.

Что же произошло нового в отношениях других европейских держав к войне? В Германии с каждою неделею усиливается движение, требующее вмешательства Немецкого союза в пользу Австрии. У нас имеют привычку сваливать на всех людей целой нации и на все ее партии узкие национальные предрассудки, которыми повсюду увлекается толпа, — мы говорим не о простодушинах, а собственно о классах, в которых сосредоточивается общественное мнение, которые заняты политическими делами, читают газеты и обнаруживают влияние на ход дел, — это толпа, повсюду служащая игрушкой своекорыстия и интриги. Теперь она в Германии кричит о необходимости защищать итальянские владения Австрии, кричит о том, что для всех немцев постыдно, если изгонят из Италии некоторых немцев, угнетающих Италию. У нас многие обвиняют за это всех немцев. Чтобы показать, что немцы, возвысившиеся над пошлыми понятиями, господствующими не в одной Германии, судят об этом деле точно так же, как судят о подобных делах возвысившиеся над предрассудками люди всех других наций, мы приводим в приложении большие отрывки из брошюры Карла Фохта об итальянском вопросе. Из них читатель увидит, что этот немец смотрит на дело с таким беспристрастным благородством, лучше которого ничего нельзя представить благородному человеку ни в России, ни во Франции, ни в самой Италии. Его горячность к делу освобождения Италии простирается до того, что он даже осуждает ту итальянскую партию, принципы которой ближе всего подходят к его собственному. Она не верит союзникам: он, убеждая своих соотечественников не помогать противникам союзников, выставляет ее в дурном свете, лишь бы усилить в своих читателях впечатление, что они не должны мешать изгнанию австрийцев из Италии сардинцами и их союзниками.

Некоторые ожидают восстания в самой Австрии, особенно в Венгрии. Говорят, что Кошут отправляется с несколькимистами венгерцев поднимать своих соотечественников и что он думает проникнуть в Венгрию через дунайские княжества. Не знаем, правда ли, что он уже думает, будто настала благоприятная минута для такой попытки. Но действительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынешнею войною для восстановления своей свободы. Кошут уже приготавливал к этому Европу речами, которые произносил на английских митингах.

В приложении мы переводим извлечение из одной его речи. Оно слишком коротко и бесцветно; но мы выбрали все-таки лучшее из тех, какие были у нас под руками.

Из этого извлечения читатель может видеть между прочим, что даже Кошут не надеется от Англии для угнетенных национальностей австрийской империи ничего, кроме нейтралитета. Самое благоприятное для них было бы уже то, если бы Англия не стала прямо помогать австрийцам. Из такого признания самого Кошута мы можем убедиться, как неосновательны надежды людей, полагающих, что перемена министерства может привести Англию к союзу с Францией и Сардинией в итальянском вопросе. Война принесла уже тот вред Англии, что вывела на место первого министра лорда Пальмерстона, не очень расположенного к внутренним улучшениям, отняв первенство между вигами у Росселя, который гораздо либеральнее своего бывшего противника и нынешнего друга. Большим и почти невероятным счастьем было бы, если б она не отозвалась подобным образом и на судьбе остальных европейских народов и в том числе даже самих итальянцев. Будущего предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какие-нибудь непредвиденные события изменят ее характер и вместо ожидаемых нами разочарований всем, увлекающимся надеждами, поведут измененное дело к хорошим результатам. Но при том характере, с каким началась война и какой сохраняет она до сих пор, мы не должны ожидать от нее ничего, кроме разорения Верхней Италии, не искупаемого никакими важными приобретениями ни в национальной независимости, ни в развитии внутренних учреждений; — ничего, кроме гибели нескольких сот тысяч сардинцев и французов и вдвое большего числа австрийцев в битвах и еще большего тех и других в военных госпиталях от тифа, изнурительной лихорадки и других принадлежностей войны. «Что ж, хорошо и то по крайней мере, что перебьют много австрийцев», скажет иной. Да, если бы 20.000 человек, выбывшие из строя у Гиулая под Маджентою, были австрийцы; но австрийцы, эта не существующая нация, только командуют войсками, а эти войска, в которых солдат бьют десятками тысяч, состоят наполовину из единоплеменных нам славян, а другую половину составляют итальянцы, венгерцы и, наконец, честные, простодушные немцы Вены и Иншпрука, которые точно так же поработены австрийцами, как и венгерцы, и итальянцы, и славяне. Австрийцы — только руководители армии... и на убой за сохранение своего владычества повсюду ведут они людей, нимало не виновных в том коварстве и угнетении других людей, которое служит основною чертою истинного австрийца. Австрийцы — это понятие не так просто, как думают наивные люди, представляющие себе его в географическом смысле. Это такое же мировое понятие, как поселянин, горожанин, портной, или как обскурант, либерал, прогрессист, реакционер. Австрийцы

есть и в Англии, и в Пруссии, и во Франции, и Австрия так же мало населена австрийцами, как Англия, Пруссия или Франция⁷.

Да, мы едва не забыли, что при нынешнем своем характере война ведет к одному верному результату: упрочению власти Наполеона III. Французы уже начали питать к нему энтузиазм за то, что он «озаряет блеском побед французское оружие». Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не изменит своего характера, он будет безусловно владычествовать во всей Италии, как до сих пор владычествовал в Риме.